

БЫВШИЕ

АЕЛЛА МЭЛ

(He) желанная цель

Аелла Мэл

Бывшие. (Не) желанная жена

«Литнет»

2026

Мэл А.

Бывшие. (Не) желанная жена / А. Мэл — «Литнет», 2026

Одна поездка. Одна ночь, которая стирает все границы между бывшими мужем и женой. Утро застаёт их в одном номере, в неловком молчании.— Не переживай, — говорит она, повернувшись к нему спиной. Голос звучит легко, почти безразлично. — Это всего лишь одна ночь. Такое бывает между мужчиной и женщиной. — Ты... что ты такое говоришь? — он не понимает. Где та страстная, пылкая женщина, которая была с ним всего несколько часов назад? Она оборачивается. В её глазах — ни боли, ни надежды. Только лёгкая, почти невидимая улыбка. — Считай это нашей запоздалой брачной ночью. Спасибо. А теперь одевайся. Работа ждёт. Он женился по приказу отца и два года не замечал тихую жену, думая о другой. Их брак был ошибкой. Их развод — её освобождением. А что будет дальше, когда деловые отношения окажутся опутаны внезапно вспыхнувшим чувством? Книга участвует в Литмобе «Мы...после развода» -

© Мэл А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
...	15
Визуал	16
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	35
Глава 13	38
Глава 14	41
Глава 15	43
Глава 16	45
Глава 17	48
Глава 18	50
Глава 19	53
Глава 20	57
Глава 21	59
Глава 22	62
Глава 23	66
Глава 24	69
Глава 25	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1

Камал

С раздражением ворвался в комнату, захлопнув дверь так, что дрогнула стена. Пальцы, онемевшие от злости и бессилия, судорожно вцепились в шелк. Чертов галстук, который душил меня целый день! Рывок, трепетная ткань оборвалась с шеи, и я швырнул его в угол. Каждый вдох теперь обжигал легкие. Моя собственная свадьба прошла для меня как пытка. Жениться на той, к кому абсолютно нет никаких чувств, — это низость. Подлость.

Сумаю я знаю с детства, но мы с ней никогда не были близки. Другой круг общения, другие интересы. Она всегда была сама себе на уме — тихая тень в углу общей гостиной, молчаливое пятно на фоне нашего шумного братства. Одним словом — скукота. А теперь она стоит передо мной в этом ослепительно-белом свадебном платье, и сегодня она, по всем бумагам и обычаям, стала моей женой.

Черт бы ее побрал!

Она не плачет, не улыбается. Просто смотрит на меня исподлобья своими большими, слишком серьезными глазами. И что мне с ней делать? Уж точно не то, что делают в первую ночь молодожены. Мысль об этом вызывала тошноту. У меня есть та, кого я люблю. Венера. Ее имя отозвалось в сердце уколом вины.

— Ну, привет, жена, — прорычал я, чувствуя, как горечь от этого слова «жена» разъедает меня изнутри. — Прекрасная и счастливая свадьба получилась, да? Полный зал гостей. Танцы. Столы, ломящиеся от еды. Поздравления до тошноты. Ну что, счастлива? Довольна своим приобретением?

Она не отводила взгляда, лишь пальцы слегка сжали складки пышной юбки.

— Что-то не так? — тихо спросила она. Ее голос был ровным, бездонным колодцем, в который сорвался мой крик.

— Все не так! — взорвался я, срываясь на крик, который копился все эти часы. — Все, с самого начала! — Резко выдохнув, повалился на диван, закрыв лицо руками. Пахло духами, цветами и ложью. — Сумая, ты, хорошая девочка. Но эта свадьба... она для меня нежеланная. Я даже не пытаюсь это скрывать.

— То есть? — всего два слова, выловленные из тишины.

— А то и есть! — я вскочил, не в силах сидеть. — Я не хотел ее! Но знал, что отец сделает все, чтобы вынудить меня жениться на тебе, и не стал рвать жилы, бросаться творить глупости. Наивно думал, что так будет проще... И вот теперь я здесь. И нам стоит прояснить все раз и навсегда. Чтобы не было иллюзий.

— Слушаю, — прошептала она, и это ее спокойствие, эта тишина резали, как наждак по нервам. Маленькая мышка! Да взбрыкни ты хоть раз!

— Этот брак — фикция. Фарс, который заставили играть наши отцы. Я не хотел на тебе жениться. И мужем твоим, по-настоящему, я никогда не стану. Пока я учусь, мы будем изображать тихую семейную пару для виду. А потом, когда представится возможность, — тихо и четко добавил я, — мы разведемся. Чисто, цивилизованно.

— Причина? — коротко и совершенно спокойно, будто спрашивала прогноз погоды.

— У меня есть другая, — выпалил я, ощущая странное смешение стыда и облегчения. — Та, кого я люблю. Та, кого хочу видеть рядом с собой в качестве жены. Ее зовут Венера.

— Поняла.

Всего одно слово. Ни слез, ни упреков. «Поняла». От этого стало еще гадственнее.

— Я буду приезжать сюда не очень часто. Эта комната — полностью твоя. Все, что тебе полагается как невестке в этом доме, — деньги, положение, — ты будешь получать. Возможно, все, что захочешь, получишь. Но только не меня. Меня не будет.

Она медленно кивнула, ее взгляд скользнул по роскошной, но чужой комнате.

— У меня был выбор? — вдруг спросила она, и в ее голосе впервые прозвучало что-то неуловимое — не упрек, а просто вопрос.

— Выбор? — я задумался на миг, в памяти всплыло жесткое, непоколебимое лицо отца. — Думаю, нет. Наши отцы не оставили его ни тебе, ни мне. Мне... мне правда жаль, что так вышло. Что приходится так с тобой поступать. Но другого пути я не вижу. Я не хочу ссориться с семьей и заранее настраивать их против Венеры. Потому я и молча женился — чтобы развестись позже, когда все уляжется. Скажем, что характерами не сошлись. Все в это охотно поверят.

— Как скажешь, — все так же тихо отозвалась она, будто обсудила расписание уборки. — Я... я пойду в ванную. И спать. Спокойной ночи.

И она развернулась, беззвучно скользя подолом платья по полу, и вышла, мягко прикрыв за собой дверь в ванную комнату.

Вот же... Как это раздражает! Такая тихая, покорная, безлика. Нет бы хоть какие-то эмоции показать — крикнуть, швырнуть что-то, назвать меня подлецом! А она... Ну и черт с ней. Мне же должно быть легче, что нет никаких истерик. Так почему же эта тишина давит на уши тяжелее, чем любой скандал?

Глава 2

Откинувшись на спинку дивана, я уставился в потолок. Мысленно я снова оказался там, месяц назад, стоящим перед тяжелой дверью в отцовский кабинет, придумывая и отвергая один за другим варианты предстоящего разговора. Каждый раз, когда отец звал к себе, это означало поворот судьбы.

— Садись, сын, — он не отрывал взгляда от бумаг, просто кивнул на стул перед массивным столом.

— Что-то случилось? — настороженно спросил я, опускаясь на указанное место. Внутри все сжалось в холодный комок. — Если ты переживаешь об учебе, то не стоит, отец. Еще два с лишним года, и я вернусь домой с дипломом, готовый взяться за дело. Ты отлично знаешь, что уже сейчас у меня неплохо получается управляться с частью проектов онлайн. Я вникаю во все.

— Нет, это касается не только работы, — отец наконец отложил ручку и сложил пальцы домиком. Его взгляд стал тяжелым и пристальным. — Ты отлично знаком с моим другом и партнером, Вагабом. И ты также знаешь его дочь, Сумаю.

В желудке похолодело. «И?» — выдавил я, уже догадываясь, но отказываясь верить.

— Мы с ним давние друзья и решили окончательно объединить наши семьи и интересы. Скрепить союз.

— Отец, ты только не говори...

— Я не закончил! — его голос, ровный и твердый, как сталь, без повышения тона заставил меня замолчать. Я понял. Все понял. Но принять не мог. У меня же есть Венера. Та, чья улыбка греет, чей смех — музыка. Та, с кем я хочу строить жизнь. И это уж точно не та очкастая, неуклюжая тихоня из воспоминаний детства.

— Вечером состоится сватовство. А через месяц — свадьба. Готовься.

— А меня спросить?! — я вскочил, и стул с грохотом упал назад. — Тебя не интересует, нужен мне этот брак или нет? Хочу я жениться на ней или нет? Или я для тебя просто пешка в твоей деловой игре?

Отец медленно поднялся. Его взгляд был ледяным. — А что тебя спрашивать? Разве не ты сам, в свои восемнадцать лет, дал слово жениться на той, кого я для тебя изберу? Или твое слово ничего не стоит?

— Ты серьезно?! — я почти кричал от бессилия. — Это какое-то средневековье — жениться по воле отца! Да еще на той, кто мне... кто мне вообще неинтересна!

— Сумая — девушка умная, скромная и прекрасно воспитанная, — отчеканил отец, не обращая внимания на мою вспышку. — Уважает старших, не витает в облаках, не позорит семью пустыми выходками. Прекрасно ведет хозяйство. Учится. Ей девятнадцать — идеальный возраст. Она — отличная партия и будет образцовой женой.

Я видел по его лицу — мост сожжен, приказ отдан. Дипломатия, уговоры — все было бесполезно.

— И чтобы я ни сказал, ты своего мнения не изменишь, так? — спросил я уже глухо, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

— Так. Решение принято. Будь мужчиной — прими его с достоинством.

Я замер на секунду, глядя в его непоколебимые глаза. Бунтовать сейчас — означало потерять все: поддержку, будущее в бизнесе, возможно, даже семью. А потом, исподтишка, все можно будет исправить...

— Ладно, — я пожал плечами с показным безразличием, которое мне самому казалось фальшивым. — Свадьба, так свадьба. Делай как знаешь.

Я вышел, не оглядываясь. Все равно нет смысла что-то говорить. Он не отменит своего решения. А я... я найду способ все обернуть так, как нужно мне.

И вот теперь я официально женат. Печать в паспорте, обручальное кольцо на её пальце — фальшивые символы фальшивого союза. Но как только будет возможность, я разведусь. Это мое единственное утешение.

Венера и так устроила мне жуткую сцену, когда узнала. Крики, слезы, обвинения в предательстве. По возвращении в город придется долго и унижительно заглаживать свою вину, бегать за ней, пока не успокоится, доказывать, что это — всего лишь временная формальность. Что моя любовь и мое будущее — только с ней.

А здесь, в этой тихой, насквозь пропитанной фальшью комнате, осталась лишь тихая «мышка» в свадебном платье, чье спокойствие раздражало куда больше, чем самые громкие истерики.

Глава 3

Сумая

Прислонившись спиной к холодной двери ванной, я сделала несколько глубоких, неровных вдохов, стараясь унять дрожь в коленях. Воздух, пахнувший моими же духами казался густым и удушающим. Было больно. Неприятно. Унизительно. Слышать такое от Камала... Я знала, что не идеальна. Тихая, не такая яркая, как, наверное, та, другая. Но в глубине души теплился наивный огонек: раз он согласился, раз не отказал отцу наотрез — значит, есть хоть крупинка... Хотя один жалкий процент того же смятения, что бушевало во мне.

Ведь он был моей первой и единственной любовью. Тихой, как все во мне, и оттого еще более безрассудной. Мама как-то сказала, вздыхая, что в их роду женщины обречены любить лишь раз и навсегда. «Это не дар, дочка, а проклятие. От него не избавиться». Ни одна из наших не смогла полюбить вторично. Одна любовь. Один брак. И если это рушилось — то лишь пустота до конца дней. Были, конечно, те, кто выходили замуж снова — по расчету, от одиночества, «чтобы не так страшно». Но сердце их молчало, навсегда оставаясь с тем первым и последним.

Я никогда не думала, что это проклятие коснется меня так... безжалостно. Что Камал, мальчик из общих праздников, на которого я смотрела украдкой все эти годы, отвернется так холодно. Но факт — вещь жестокая и неоспоримая. Лучше смотреть правде в глаза сразу, чем потом разбиваться о нее с разбега.

У него есть та, кого он любит. Что ж... пусть. Пока он учится, я подожду. Отец как-то обмолвился, что им со свекром нужно время, чтобы объединить компании, стать единым целым. Если я сейчас взорву этот брак-пустышку, рухнет не только мое призрачное счастье, но и их многолетняя дружба, общее дело. Я не могу быть причиной такого краха.

Я дам себе шанс. Подожду. Ведь есть же вероятность — пусть призрачная, — что за два года что-то изменится. Что он расстанется с Венерой. Что, вернувшись домой, он увидит не просто «тихую Сумаю», а... меня. И, может быть, сумеет разглядеть что-то... Может быть, даже...

Я отвела себе два года. Ровно. Если за это время ничего не сдвинется с мертвой точки, я отпущу его. Насильно мил не будешь. Даже ради отца и его многомиллионных сделок.

Неделю спустя я стояла у большого окна в гостиной, стиснув пальцы, и смотрела, как такси увозит моего мужа. Он даже не оглянулся. Ему — на учебу, в свою настоящую жизнь. Мне — остаться и ждать.

Я оказалась терпелива. Молчала ровно два года, как и решила. Не проронила никому ни слова о том, как ноет внутри пустота, как режет по живому его ледяное равнодушие. Да и некому было. Свекор и свекровь окружили меня такой искренней, почти отеческой заботой, что порой от их доброты хотелось плакать. Они называли меня дочерью, защищали, баловали.

Свекор, видя мой интерес, начал постепенно вводить меня в дела компании — обучал, давал небольшие, но важные задания, а когда я справлялась, его глаза теплели от гордости.

«Умничка ты наша, Сумая».

За ошибки же он не ругал, а терпеливо разбирал, как учитель. В этом доме я чувствовала себя нужной везде... кроме той самой комнаты, что была моей и одновременно — нашей.

За эти два года Камал приезжал всего пять раз. На крупные семейные праздники. Каждый его приезд был для меня тихой пыткой надежды, которая разбивалась в прах за секунды. Все, что я получала, — это беглый взгляд, скользящий по мне, как по предмету мебели, и обязательное, вымученное:

— Привет. Как дела?

Мой тихий ответ:

— Все хорошо, спасибо, — повисал в воздухе, не услышанный.

Он тут же растворялся в своем мире: спал на диване, уткнувшись в телефон, или вел длинные, приглушенные переговоры по ноутбуку. И не раз, проходя мимо закрытой двери или невольно задержавшись в коридоре, я слышала обрывки его разговоров. Смех, нежный и непривычный для моего уха. Слова, полные тепла и нетерпения. И имя. Всегда это имя — Венера. Оно звенело в его голосе, как колокольчик, от которого замирало и потом медленно, мучительно сжималось мое собственное сердце.

Глава 4

И вот сегодня он приехал в шестой раз. Но в этот раз он был хмур.

— Привет, — бросил мне и ни сказав больше ни слова, ушел в комнату. В этот раз он даже не взглянул меня. Даже как на предмет мебели. Значит у него что-то случилось. Надо сообщить ему что вечером придет и моя семья на ужин.

Поднялась в комнату и замерла у двери. Почему-то было страшно. Словно что-то случится если зайду туда. Словно потеряю Камала навсегда.

Но мне не пришлось заходить туда, чтобы потерять его. Хватило и подслушанного разговора.

— Венера, прекрати! Я уже не раз говорил тебе, что она для меня никто. Всего лишь дочь друга отца. Я ее воспринимаю только как маленькое недоразумение. Через пару месяцев закончу учебу и вернувшись скажу про развод.

Сердце пронзила боль. Он так и не принял меня. Даже не старался сделать этого. Я как была для него никем, так и осталась.

— Конечно мне нужна только ты, — вздохнул Камал с той стороны. — Пожалуйста, милая, прекрати плакать. Ты же знаешь как я не люблю когда ты плачешь. Ну все, успокаивайся. Хорошо, я даже не дотронулся до нее. И разговаривать не буду. Давай.

Похоже судьба у меня такая. Раз любви я недостойна, значит отдам себя учебе. Не стану цепляться и тешить себя надеждами, что однажды он меня примет. Все равно этого не будет никогда.

Сделав глубокий вдох, вошла в комнату. Камал копошился в своей сумке и даже не взглянул на меня. Делает все что просит его любимая девушка.

— Вечером придут мои родные. Будет семейный ужин. Мама велела тебе присутствовать, — и не дожидаясь ответа ушла. Я знала что он скажет, что времени нет. Что у него встреча с друзьями или что-то подобное. Каждый раз я прикрывала его, а в это раз не стану. Пусть сам сообщает своим родителям о своем отсутствии.

До самого вечера была со свекровью на кухне. С ней мы отлично ладим. И когда Камал пришел сообщить о том что не сможет присутствовать на ужине, мама ему устроила выговор. Не разрешила уйти. Он разозлился, пошел к отцу, но и тот похоже не позволил ему уйти по своим делам.

Вечером мы все вместе встречали моего отца, мачеху и их общего сына. Я так и не смогла назвать его братом. Он был младше меня на десять лет и сейчас ему двенадцать лет. Отношения с ними у меня... никакие. Отец похоронил мою мать и привел в дом новую женщину почти сразу. Ему хватило полгода чтобы вычеркнуть из жизни маму. Сказал что сделал это для меня. Чтобы у меня была мать.

Мать...

Только мамы не бывают такими.

— Ну что Вагаб, вспомним старину? — воскликнул свекор после того как немного перекусили. Было скучно сидеть вот так. Разговаривали только отцы и мамы, а мы как истуканы уткнулись в свои тарелки.

— Конечно Давид. Мы с тобой уже два года как стали родственниками, — папа улыбался говоря это.

— Да, — подала голос мачеха, Зулейха. — Уже два года прошло, а мы никак не дождемся от детей хороших новостей. Всем так хочется услышать о том, что вскоре в семье будет пополнение. Но кажется наши дети не спешат.

Остаюсь спокойна с виду, хотя внутри горит огонек обиды. Она всегда так или иначе говорит фразы которые причиняют мне боль. Смотрю на мужа, а он даже не услышал что сказали. Сидит уткнувшись в свой телефон. Мельком увидела сообщение. Смайлик. Поцелуй.

Как же я устала от всего этого...

— Простите, — обратилась ко всем сделав глубокий вздох. Встала, обвела всех взглядом и решила. — Раз сегодня собрались самые близкие — наши семьи — мне нужно сказать кое-что очень важное. И, думаю, Камал со мной согласится.

Он резко повернул ко мне голову, в его глазах вспыхнуло недоумение и мгновенная настороженность.

— Два года назад мы с Камалом поженились, — начала я, обводя взглядом родные лица: своего отца, его родителей. — Мы выполнили ваше общее желание, вашу мечту о союзе наших семей. И мы старались. Искренне. Но с самого первого дня мы оба поняли... что это большая ошибка. Мы — два совершенно разных человека. У нас нет ничего общего. Нет тех чувств, без которых брак становится тюрьмой. Мы оба это знаем. Мы оба несчастливы в этой роли.

В комнате повисла гробовая тишина. Свекор перестал улыбаться, отец замер с бокалом в руке.

— Ты что несешь? — тихо, сквозь зубы, прошипел Камал, но я продолжила, глядя не на него, а на наших родителей.

— Никто в этом не виноват. Ни вы, с вашей заботой. Ни мы, с нашей покорностью. Просто так вышло. Мы с Камалом не хотим и не можем быть вместе. Это решение созрело давно и оно общее. Поэтому... — я сделала глубокий вдох, — мы просим вас отпустить нас. Не ругаться, не искать виноватых. Просто принять, что эта затея была недоразумением. И забыть о ней. А нашу дружбу, вашу дружбу, которая была задолго до нас и которая гораздо важнее, — просто продолжить. Так же, как и раньше.

Я закончила и опустила глаза, чувствуя, как внутри всё обрывается. Потом посмотрела на Камала. Он был бледен, его глаза высказывали бурю — шок, непонимание, и, как мне показалось, крошечную искру того самого уважения, которого не было все эти годы.

Глава 5

Первым заговорил мой отец. Он тяжело вздохнул.

— Доченька... Мы... мы только хотели как лучше.

— Я знаю, папа, — безразлично сказала я. — Но иногда даже самое лучшее намерение — неверный путь.

Свекор долго смотрел то на меня, то на своего сына. Потом его взгляд смягчился печалью и мудростью.

— Я всегда знал, что ты мудра не по годам, Сумая, — сказал он тихо. — Но чтобы настолько... Ты говоришь о нашей дружбе с твоим отцом как о самом главном. И ты права. — Он повернулся к Камалу. — Сын, это правда? Ты тоже этого хочешь?

Все ждали. Камал медленно поднялся. Он посмотрел на меня — долгим, оценивающим взглядом, в котором впервые не было раздражения. Потом кивнул, обращаясь ко всем.

— Да. Это правда. Мы... не пара. И Сумая права. Не стоит из-за этого рушить то, что строилось десятилетиями.

В его голосе звучала неловкость, но и странное облегчение. Мост был сожжён, но не взорван — аккуратно разобран, чтобы не повредить берега. И впервые за два года я почувствовала не горечь, а тихую, печальную свободу.

Первым нарушил молчание свекор. Он медленно, с достоинством отпил из своего бокала и поставил его на стол с тихим, но четким стуком.

— Вы оба взрослые люди, — произнес он, и его голос, обычно такой уверенный, звучал устало, но без гнева. — И если это ваше взвешенное, совместное решение... Мне, как отцу, больно это слышать. Но как человеку, который тоже когда-то был молод... я обязан его принять. Твой отец и я, — он кивнул в сторону моего папы, — мы начали с дружбы. И глупо было бы позволить ей рухнуть из-за... из-за честной ошибки.

Мой отец тяжело вздохнул, потер переносицу.

— Сумая всегда была тихой, но с крепким внутренним стержнем. Если она говорит, что это общее решение и что это тупик... — он посмотрел на Камала, и его взгляд стал жестче, — то я верю своей дочери. Но, Камал, одно дело — не подойти друг другу. И другое — заставить ее две года жить в... в ожидании развязки. Это не по-мужски.

Камал побледнел, его скулы напряглись. Он открыл рот, чтобы возразить, защититься, но я тихо вмешалась, прежде чем он успел разжечь ненужный спор.

— Папа, пожалуйста. Мы договорились — никаких обвинений. Мы оба согласились на эту игру два года назад. Теперь мы оба соглашаемся ее закончить. Давайте оставим всё как есть. Как два взрослых человека, которые приняли непростое, но единственно верное для них решение.

Я посмотрела на свекровь. В ее глазах стояли слезы, но она сжала мою руку под столом крепко и кивнула, давая понять, что не держит на меня зла. Что понимает.

— Значит, так, — свекор снова взял слово, восстанавливая контроль над ситуацией, как привык это делать в бизнесе. — Мы, старшие, уважаем ваше решение. Оформляйте всё цивилизованно, тихо. Для внешнего мира — не сошлись характерами. Никаких скандалов, никаких сплетен. А что касается наших компаний... — он обменялся долгим взглядом с моим отцом, — объединение уже состоялось. Оно крепкое. Оно держится на нашем с ним доверии, а не на браке детей. Так что деловых последствий не будет. Я даю слово.

В воздухе окончательно рассеялось напряжение. Оно сменилось грустной, но светлой решимостью. Разрубать узел оказалось больно, но быстро.

— Спасибо, что отнеслись с пониманием, — сказала я. Все взгляды снова устремились ко мне. — Чтобы не затягивать и не создавать лишнего дискомфорта, я уже всё подготовила.

Мои вещи собраны. Я уезжаю в другой город, продолжать учебу . Мой самолет через три часа, поэтому мне уже пора.

На этот раз изумление на лицах было полным. Даже Камал резко поднял на меня голову, его глаза широко распахнулись. Он явно не ожидал такого стремительного развития событий.

— Дочь... — поднялся папа с бледным лицом.

— Не говори ничего пап. Я хочу уехать. Отпусти. Пожалуйста.

— Сумая, доченька, так сразу? — в голосе свекрови прозвучала неподдельная тревога и боль. — Могли бы посидеть еще, все обсудить...

— Все уже обсуждено, мама, — мягко, но твердо ответила я. Два года я называла ее так, и сейчас это вышло само собой, от сердца. — Чем дольше тянуть, тем тяжелее всем. Лучше чистый разрез.

Я обвела взглядом стол: свекор с суровым, но одобрительным кивком, отец с горьковатой гордостью в глазах, Камал, все еще не могущий прийти в себя. Мачеха, которая была задумчива. И... брат, который смотрел на меня исподлобья.

Я сделала шаг назад от стола, чувствуя, как земля под ногами становится твердой не от чужой воли, а от моего собственного выбора.

— Спасибо вам всем. За всё. Прошу прощения, что приходится так спешно уезжать, но... мое время здесь истекло. Мне нужно идти своей дорогой.

Я повернулась и вышла из столовой. За спиной на мгновение воцарилась гробовая тишина, а затем ее нарушил сдвинутый стул — это поднялся Камал.

— Подожди! — его голос прозвучал сзади, в дверях. Он догнал меня в холле. — Ты... Спасибо тебе.

Я остановилась, но не обернулась.

— Пожалуйста. На этом наши пути расходятся Камал. О разводе позаботься сам. Прощай.

Он молча кивнул, словно наконец принял этот простой и жестокий факт как данность.

— Удачи тебе, Сумая.

— И тебе, Камал. Будь счастлив.

Я вышла с вещами на крыльцо, где уже ждала машина. Холодный вечерний воздух ударил в лицо, но он был свеж и полон свободы. Я не оглядывалась на дом, который два года был моей золотой клеткой. Впереди был аэропорт, незнакомый город, учеба и жизнь, которую я, наконец, выбирала сама. И все это благодаря тете, маминой сестре, которая согласилась меня принять и помочь с учебой.

...

Уважаемые читатели!

Добро пожаловать в мою новинку, которая участвует в Литмобе

"Мы...после развода"

<https://litnet.com/shrt/Cxp8>

Визуал

Сумая

Вернулась спустя три года в родные края.

Глава 6

Три года спустя...

Сумая

Покинув аэропорт, я сделала глубокий вдох. Воздух родного города наполнил лёгкие. Оказывается, я успела по нему соскучиться.

Взяв такси, назвала адрес. Квартира, которую я сняла, уже ждала меня. С хозяйкой договорилась заочно, переведя оплату за три месяца вперёд. Ключи, как и обещали, лежали у соседки — пожилой и приветливой женщины.

Был, конечно, и отцовский дом. Но ехать туда не хотелось категорически. Я чувствовала себя там чужой с тех самых пор, как мачеха переступила его порог. Возвращаться в прошлое, в ту роль покорной дочери на задворках собственной семьи, не было ни малейшего желания. Теперь я была другой. Я сама решала, где жить, работать и как дышать. Но долг есть долг — вечером нужно было заехать, сообщить отцу о возвращении. Мы общались по телефону скупо, раз в несколько месяцев, ограничиваясь парой формальных фраз. Сообщать о приезде заранее не стала — не хотела пафосных встреч и лишних вопросов.

Обустроившись наскоро в съёмной квартире, я откинулась на диван, дав себе час тишины. Затем собралась с духом и вызвала такси до того самого дома, который, наверное, всё же не любила. Ненависти не было — её не было во мне никогда, лишь холодная, усталая отстранённость.

Дверь открыл Замир. Я с трудом узнала в высоком, широкоплечем парне того тщедушного двенадцатилетнего мальчишку, которого оставила три года назад. Он вымахал, и в его глазах читалась не детская серьёзность.

— Сестра? — его лицо озарилось искренним, неподдельным удивлением, а затем — широкой, открытой улыбкой. — Ты вернулась!

— Эм... привет, — смущённо ответила я, совершенно не готовая к такому радушному приёму. Мы с ним никогда не были близки. Я отчаянно хотела быть ему настоящей сестрой, но его мама всегда выстраивала между нами невидимый, но прочный барьер, держа меня на почтительном расстоянии.

— Я так рад тебя видеть! — он почти втащил меня в прихожую, захлопнул дверь и, недолго думая, крепко обнял. Я замерла, шокированная такой непосредственностью. За его спиной висело старое зеркало, и в нём я увидела своё собственное растерянное отражение.

— Прости, — он отступил, слегка смутившись, но глаза всё ещё светились. — Я просто... скучал.

Он повернулся и пошёл вглубь дома, а я осталась стоять, давя подступающую к губам невольную улыбку. Оказывается, я скучала по нему тоже. И даже не подозревала, что это могло быть взаимно.

— Мам! — его голос прокатился по дому. — Сестра вернулась!

— Какая сестра? — из гостиной появилась мачеха. Её взгляд скользнул по мне — не радостный, но и не недовольный. Все то же привычное, ледяное безразличие. — Добро пожаловать. Почему не предупредила?

— Спасибо. Не переживайте, я ненадолго. Где папа?

— В кабинете, — тут же откликнулся Замир. — У него какие-то проблемы на работе. Он пытается их решить. Идём, я провожу. А где твои вещи? Я отнесу их в твою комнату. Честное слово, я там ничего не трогал.

Меня тронула его торопливая, почти мальчишеская готовность помочь.

— Можешь трогать что угодно и делать с комнатой всё, что захочешь, — сказала я, обращаясь и к нему, и к мачехе, чей пристальный взгляд я чувствовала у себя на спине. — Я сняла квартиру и буду жить там.

— Ты... не останешься? — он замер на месте, и его лицо вдруг помрачнело. В его глазах мелькнула та самая детская уязвимость, которую я помнила. — Опять уйдёшь?

— Думаю, так будет лучше для всех, — мягко ответила я, стараясь сгладить углы лёгкой улыбкой. Затем постучала в тяжёлую дверь кабинета.

— Я же сказал, что занят! — послышалось оттуда раздражённое ворчание.

— Даже если это я? — спросила я, слегка приоткрыв дверь и просунув голову..

Последовала секунда тишины, затем — быстрые шаги. Дверь распахнулась, и передо мной предстал отец. Он выглядел уставшим, хмурая складка прорезала лоб, и седины у висков прибавилось. Но в его глазах, впервые за долгое время, вспыхнул живой свет.

— Сумая! — воскликнул он и, не дав опомниться, заключил меня в объятия, такие крепкие, что на мгновение перехватило дыхание. От знакомого запаха его одеколona и старой бумаги неожиданно защипало в носу. — Дочка, ты вернулась!

— Здравствуй, папа, — прошептала я, чувствуя, как предательская дрожь пытается прорваться в голос. Я сжала зубы. Слёзы были сейчас некстати.

— Почему не сообщила? Я бы тебя встретил! — он отстранился, держа за плечи, окидывая взглядом с ног до головы. — А вещи? Замир, занеси вещи сестры в комнату!

— Она без вещей, пап, — голос Замира прозвучал из-за спины.

— Как без вещей? Сумо?

— Я сняла квартиру, пап. И мои вещи уже там, — сказала я твёрдо, предвидя его реакцию. — И не надо меня отговаривать.

— Но так нельзя, дочка! Это же твой дом тоже! Зачем жить на съёмной квартире, когда есть целый дом? — в его голосе прозвучала знакомая нота беспокойства и желания контролировать.

— Папа, пожалуйста, — я положила руку ему на предплечье, пытаюсь его успокоить. — Давай не будем об этом. Я уже взрослая и знаю, чего хочу.

— Да... взрослая, — он вздохнул, и в его тоне зазвучал тихий, горьковатый укор. — Настолько взрослая, что обрушила на нас всех ту... бомбу и укатила куда подальше. Не предупредив. — Он потянул меня за собой в кабинет. — Садись. И рассказывай всё. Всё-всё!

— Кхм... мне остаться? Или уйти? — несмело спросил Замир, порог. Раньше я, не задумываясь, сказала бы «как хочешь». Но сейчас, глядя на его неуверенный, но полный надежды взгляд, что-то дрогнуло внутри. Он сам сделал первый шаг. Почему бы и мне не попробовать?

— Оставайся, — разрешила я, позволив улыбке коснуться губ. — Никаких государственных тайн не рассказываю.

Начнем знакомство с книгами нашего литмоба

Елена Грэй

"Забыть нельзя вернуть. После развода" (18+)

<https://litnet.com/shrt/CGkB>

Что сильнее: обида на человека, который разбил ваше сердце, или память о том, как оно когда-то билось из-за него?

— Кто та девушка? — спрашиваю я у Яна.

— Нам нужно развестись, — он словно не слышит вопроса и не сводит с неё глаз. — Я люблю другую.

— Её? — показываю на Снежану.

— Да, — откровенно признаётся он. — Наш брак был ошибкой, Карин. Я женился на тебе, чтобы забыть её. Но не вышло.

Глава 7

Отец провёл меня к дивану, усадил, присел рядом сам, а Замир устроился прямо на ковре, скрестив ноги по-турецки, как в детстве.

— Ну, так как? Как твои дела? — отец смотрел на меня с нетерпеливым ожиданием, отложив все свои «проблемы на работе».

— Всё нормально, пап. Поработала два года в столице, набралась опыта. Поняла, что хочу вернуться сюда. Буду искать работу по специальности.

— В смысле — будешь искать? — он возмущённо приподнял брови. — А я? А наша компания? Я что, просто так там сижу?

— Я отправлю резюме и приду на собеседование, если будет подходящая вакансия, — ответила я спокойно, но непреклонно. Хотя на самом же деле не собиралась в компанию отца. Я знаю, что там работает и Камал. Работать с ним в одном здании... будет тяжело.

— Я найду тебе место! Лучшее место!

— Нет, пап. Никакого блата, — я покачала головой. — Я не хочу быть «дочерью начальника», которой всё свалилось с неба. Я хочу, чтобы меня приняли и признали за мои навыки. Или ты... не веришь в меня?

— Я знаю, что ты справишься с любым делом, — он тяжело вздохнул, сдаваясь под напором моей решимости.

— С такими-то мозгами, сестра, тебе прямо в кресло директора надо садиться, — вдруг вставил Замир, и в его усмешке сквозила неподдельная гордость. Он и правда сильно повзрослел. Раньше он бы и слова не посмел вставить в разговор старших.

— И откуда тебе знать, какие у меня мозги? — удивилась я.

— Я все твои старые конспекты перечитал, — признался он, немного смущённо опустив глаза. — Голову ломал, как ты это всё осваивала. Это же... космос какой-то. И то, что ты за год сдала экзамены за три курса... это о многом говорит.

— Ага, — прищурилась я, делая вид, что строга. — Так кто-то говорил, что ничего в моей комнате не трогал?

Он покраснел, как маков цвет.

— Прости. Не удержался.

— Ладно, ладно, — махнула я рукой, не в силах сердиться. — Забирай, если тебе это поможет в учёбе. А я, пап, всё же буду искать работу, как все нормальные люди.

— Упрямыща несусветная! — отец покачал головой, но в глазах его читалось одобрение. — Ну тогда я хотя бы куплю тебе квартиру. Нечего по чужим углам скитаться.

— Пап, нет! — я чуть не вскочила. — Я сама в состоянии заработать на жильё. Мне не нужна подачка.

— Тогда слушай мой ультиматум, — сказал он, складывая руки «домиком». Его взгляд стал деловым, каким бывает на важных переговорах. — Первый вариант: ты идёшь к нам в компанию. Нам как раз срочно требуется толковые люди в отдел инженеров. Второй: я покупаю тебе квартиру. Выбирай.

— А могу я... отказаться от обоих вариантов? — спросила я, склонив голову набок с наигранной невинностью. Я понимала, что мне придется что-то одно все равно выбрать.

— Ничего подобного! — он ткнул пальцем в воздух. — Думай до завтра. Потому что я уже две недели ищу адекватных специалистов и не могу найти. А ты в этой сфере как рыба в воде. Так что...

В дверь постучали.

— Тук-тук. Не помешаю? — в проёме возникла мачеха. Её лицо было, как всегда, невозмутимым. — Я накрыла на стол. Спускайтесь ужинать.

— Спасибо, но мне уже пора, — автоматически ответила я, поднимаясь с дивана. Привычный защитный рефлекс — избегать общих трапез, где я всегда чувствовала себя лишней.

— Останься, — она сказала это тихо, почти неразборчиво, не глядя мне в глаза, и тут же вышла, словно пожалев о своей минутной слабости.

Я замерла, поражённая. За все годы она ни разу не просила меня остаться. Никогда.

— Сестра, останься. Пожалуйста, — тихо, но настойчиво сказал Замир, и в его взгляде читалась такая искренняя, почти детская мольба, что моя броня дала трещину. — Я потом провожу тебя. Честно.

Я посмотрела на отца. Он молча смотрел на меня, и в его взгляде уже не было приказа, а было... ожидание. Надежда, что его разрозненная семья хотя бы на один вечер сядет за один стол.

И я, к собственному удивлению, кивнула.

— Хорошо. Остаюсь.

Атмосфера за столом была напряжённой, как и всегда, когда мы оказывались в одном пространстве с мачехой. Между нами никогда не было и тени расслабленности. Я помню, как в детстве, неумело и робко, пыталась подружиться. Что могла сделать маленькая девочка, тянущаяся к теплу, если в ответ получала лишь ледяную стену? Она переступила порог нашего дома, и её первый же взгляд дал мне понять всё: я здесь чужая, и принять меня она не намерена никогда. Она была холодна, как мрамор.

А с рождением Замира... Я была счастлива за отца, рада малышу. Но каждый раз, когда я пыталась приблизиться к брату, она брала его на руки и уносила в другую комнату, словно я была источником заразы. Если он тянулся ко мне своими пухлыми ручками, она мягко, но неуклонно пресекала это.

А отец... Отец предал меня молчаливым согласием, позволив ей выстраивать эту невидимую, но непреодолимую границу.

«А что, если твоя дочь из-за ревности причинит вред нашему сыну?» — сказала она как-то раз, и её голос был сладок от притворной заботы. «Она ревнует тебя к нему. Я видела, как она пыталась укунить его за руку». Отец поверил. Он даже не стал спрашивать меня, не попытался разобраться. Он просто взял меня за плечи, взгляд его был усталым и виноватым, и тихо попросил: «Сумо, пожалуйста, не причиняй вреда брату. Он же маленький». В тот день во мне что-то окончательно сломалось и замёрзло. Я поняла, что в этом доме я одна. Совершенно одна.

Как только ужин завершился, я собралась уходить. Замир тут же вскочил, настаивая, что проводит. Заметила, как взгляд мачехи метнулся к нему, полный немого тревожного предостережения. Она даже открыла рот, но Замир, не глядя на неё, твёрдо сказал:

— Я её брат. И обязан проводить сестру и убедиться, что она дошла благополучно. Должен быть уверен.

Он посмотрел матери прямо в глаза, и в его тоне была такая непривычная, взрослая решимость, что она отступила, сжав губы. Отец лишь улыбнулся — гордой, немного грустной улыбкой — и, обняв меня на прощание, отпустил. Замир и вправду вырос, раз осмелился перечить.

Панна Мэра

"После развода. Первая жена моего мужа" (16+)

<https://litnet.com/shrt/rOQ0>

Пять лет брака, большой дом и долгожданная беременность.

Все разрушается, когда мой муж решает спасти не мою жизнь, а жизнь своей любовнице.
И не просто любовнице, а своей первой жене, которую, он, как выяснилось, любит до сих пор.

Глава 8

Мы медленно пошли к остановке. Можно было вызвать такси, но мне вдруг захотелось продлить эти минуты — шагать рядом с братом, который был уже не ребёнком, а почти взрослым парнем. Как бы мачеха ни старалась, я всегда любила его. Даже на расстоянии. Даже украдкой.

— Прости, сестра, — вдруг тихо произнёс он, глядя под ноги.

— За что?

— За... маму. — Он нервно взъерошил свои тёмные волосы. — Я знаю, какая она была с тобой. Холодная. Отдаляла тебя ото всех. Но я... Я всегда хотел с тобой общаться. Честное слово. И сейчас боюсь, что ты развернёшься и снова уйдёшь. Навсегда.

Я остановилась и повернулась к нему всем корпусом.

— Разве я давала тебе повод так думать?

— Ты всегда была такой... спокойной. Неприступной. Холодной. Я много раз пытался подойти, придумывал глупые предлоги. Но мама говорила, что мы тебе не нужны. Что ты нас презираешь. И я... я почти поверил.

«Холодная». Это слово резануло. Но это была лишь маска, панцирь, который я надела, чтобы выжить. Внутри я была просто неумелой, застенчивой девочкой, которая боялась сделать лишний шаг, сказать лишнее слово. Мне казалось, что если я буду идеально тихой и послушной, не буду капризничать, то хоть так смогу заслужить немного внимания, не стать обузой.

— А что изменилось теперь? — спросила я.

Он смущённо отвел взгляд, снова погрузив руки в карманы.

— Подростковый бунт, наверное. Когда ты уехала, объявив о разводе... Я тогда так взбесился. На этого Камала, на родителей, на весь мир. Устроил скандал, начал творить всякую дичь. А потом... — он замолчал, глядя куда-то в звёздное небо, и сделал глубокий вдох. — Потом я подслушал разговор родителей. Отец... он выпил тогда. И высказал маме всё. Сказал, что из-за её ревности он не смог быть для тебя тем отцом, на которого можно положиться. А я — тем братом, с которым можно разделить страхи. Они много говорили. Я всё узнал.

«М-м-м...» — промычала я в ответ, чувствуя, как внутри поднимается знакомая, давно похороненная волна обиды. Меня это уже не должно было волновать. Я смирилась. Я привыкла быть чужой в том доме и не ждала ничего. Отец сделал свой выбор много лет назад. Я приняла это. Но боль от того предательства — тихая, глухая — все еще жила где-то очень глубоко.

— Прости, что думал, будто я тебе не нужен, — голос Замира стал твёрже. — Я всегда хотел быть твоим братом не только по крови. Хотел болтать, дурачиться, защищать тебя. Завидовал другим, у кого так было.

— Всё это в прошлом, Замир. Его не изменить.

— Понимаю. Но ведь мы можем начать сейчас? Стать семьёй по-настоящему? Я очень этого хочу. И обещаю — мама больше не встанет между нами. Я ей уже сказал, чтобы не смела!

Я смотрела на этого пятнадцатилетнего парня, который говорил с такой недетской уверенностью, и чувствовала, как лёд вокруг сердца даёт первую трещину.

— Что ты сказал?

— То, что думал! И папа меня поддержал. Обещаю, я буду самым лучшим братом. Буду на твоей стороне всегда. Если захочешь, мы этого Камала вместе изобьем! — он прошипел последние слова с внезапной яростью.

Я отшатнулась от неожиданности.

— При чём тут Камал?

— Я знаю про его Венеру! — выпалил он, сжимая кулаки. — Я всё узнал!

— Откуда? — я была в шоке.

— Я должен был проверить, за кого тебя отдают! Просто... не успел. Информация пришла уже после его отъезда. Я тогда так хотел его найти и...

— Замир, тебе было десять лет! — воскликнула я, не веря своим ушам.

— И что? — он упрямо надул губы. — Я уже не малыш. Если бы узнал раньше, я бы... А потом мама опять влезла, не дала мне приехать за тобой, забрать тебя оттуда.

Мысли смешались. Этот ребёнок... этот мальчик хотел стать моим рыцарем. В десять лет!

— погоди, ты хотел приехать и забрать меня?

— Конечно! Не хотел оставлять тебя с этим... Если бы ты знала, сама бы с ним не осталась.

«Замир...» — его имя сорвалось с моих губ шёпотом, а на лице, совершенно без моего ведома, расцвела настоящая, тёплая, не сдержанная улыбка. Впервые за много-много лет я смотрела на брата не через призму прошлых обид, а видя только его — заботливого, яростного, настоящего. Его детская, но такая искренняя забота растопила последние льдинки внутри.

Я быстро подошла и обняла его, крепко-крепко, чувствуя, как он сначала замер, а потом обвил меня руками в ответ.

— Это мой брат, — прошептала я про себя. Тот, кто думал обо мне, даже когда я была далеко. Жаль, что мы потеряли столько времени. Бесконечно жаль.

— И я хочу быть твоей сестрой, — сказала я уже вслух, голос немного дрожал. — Той, с которой ты можешь обсуждать что угодно. К которой можно прийти за советом или помощью. Всегда.

— Правда? — он прошептал, и его голос тоже задрожал от сдерживаемых эмоций.

— Правда.

Мы стояли так посреди тихой вечерней улицы, и это молчаливое объятие было важнее любых слов. Мы оба были счастливы, наконец-то найдя друг друга. Я гордилась им. Он, младший, оказался храбрее — рискнул подойти, зная, что его могут отвергнуть, пошёл даже против воли матери. Нет, в этот раз я никому не позволю встать между нами. Ни за что.

Потом мы сели в почти пустой автобус и всю дорогу до конечной болтали без умолку, навёрстывая упущенное. Гуляли по ночному городу, смеялись. Он проводил меня до самой квартиры и, совсем как взрослый мужчина, проверил замки на окнах, потрогал дверь, кивая с одобрением.

— Всё крепко. Спи спокойно, сестра, — он поцеловал меня в макушку, и это было так естественно и мило, что у меня снова ёкнуло сердце.

Я вызвала для него такси, проследив, чтобы он уехал, и только тогда позволила себе полностью расслабиться. Впервые за долгие-долгие годы я заснула по-настоящему счастливой. У меня есть брат. Настоящий.

Следующий день мы провели вместе с утра до вечера. Он явился ко мне чуть свет, открыв дверь своим ключом (дала ему запасной вчера). Когда я вышла из спальни, он уже накрывал на стол завтрак. Испугалась ли я? Немного. Но радости было в тысячу раз больше. Мы гуляли, болтали, и время пролетело незаметно.

И вот уже поздно вечером, когда он должен был быть дома, раздался звонок.

— Сестра... — его голос в трубке звучал непривычно серьёзно и тихо. — Ты не могла бы... помочь отцу?

— Что случилось?

— У него на работе большие проблемы. Он мне ничего не говорит, но я сегодня подслушал его разговор... — Замир сделал паузу, понизив голос. — У них что-то случилось, очень серьёзное. Пришлось уволить почти весь инженерный отдел. Им срочно нужны люди, но такие, которым можно доверять на сто процентов.

Я прислонилась к стене, чувствуя, как планы на спокойный поиск работы рушатся.

— Зам, я всего один человек. Отец просматривает резюме, наверняка...

— Они не могут брать с улицы! — перебил он. — Конкурент следит и постоянно подсылает своих. Папина компания выиграла огромный проект, перехватила его у них. Вот те и мстят. Лучших переманили к себе, а остальных подкупили за информацию. Потому весь отдел уволен. Сейчас все, кто проходят собеседование под подозрением. Папа и дядя Давид уже неделю почти нормально не спят.

В трубке повисло тяжёлое молчание. Мой внутренний протест «Только не там! Только не рядом с Камалом!» столкнулся с долгом и новой, хрупкой связью с семьёй.

— Хорошо, — наконец сказала я, уже чувствуя тяжесть предстоящего решения. — Завтра я заеду к отцу на работу и поговорю с ним.

Мы попрощались, а я осталась стоять у окна, глядя на огни города. Работать с Камалом... Мысли об этом вызывали тошнотворный спазм. Но бросить отца в такой момент, когда он, кажется, впервые по-настоящему нуждается во мне не как в пешке, а как в специалисте... это было бы подло.

«Ладно, — сказала я себе, ощущая, как внутри включается знакомый холодный, бесчувственный режим выживания. — Поработаю какое-то время. Помогу наладить процессы, подготовлю замену. Как только всё устанется — уйду. Чисто. Без обид.»

Я мысленно надела ту самую старую, проверенную маску — маску отчуждённого. Никаких личных связей. Никаких пересечений, кроме рабочих. А с Камалом... Надеюсь, наши пути будут редко пересекаться. Большая компания. Если же столкнёмся — буду думать только о чертежах, расчётах и дедлайнах. И ни о чём больше.

Но даже про себя я не могла не признать: возвращаться к тому, с кем всё началось и так болезненно закончилось, было страшно.

Александра Багирова

"Развод по её правилам" (16+)

https://litnet.com/shrt/91Y_

Мои муж король ринга, любимец публики и подлый изменщик. Он решил познакомить нашу дочь с любовницей и забрать у меня все. Только пока он развлекался со своей «мармеладкой», я переписала все его активы на себя. Теперь вместо семьи, славы и богатства его ждут ключи от квартиры с видом на свалку и полная нищета.

Глава 9

Камал

Злость. Нет, не злость — ярость. Настоящая, сжигающая всё внутри ярость клочкотала в груди. Если бы я выпустил её наружу, она бы сожгла дотла и этот кабинет, и весь проклятый отдел, который лежал в руинах. Но нельзя. Нельзя. Я с силой сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Нужна холодная голова. Проблем и так выше крыши.

Десять утра, а я уже был выжат как лимон. Шёл по коридору в свой офис после очередной бесплодной встречи с кадровиками, в голове — один и тот же заезженный вопрос: где, чёрт возьми, найти людей?

— Камал, я не смог никого найти, — прямо у моего кабинета меня перехватил Мага. Его обычно ухоженное лицо было осунувшимся, под глазами — синева. — Или недостаточно квалифицированные, или... слишком уж подозрительные. Пахнет подставой.

— Мага, нам нужны люди! — прорычал я в ответ, с дикой силой дергая за узел галстука. Эта удавка на шее, символ статуса, сегодня душила сильнее обычного. Я её ненавидел. — Люди с мозгами, а не манекены!

— А я по-твоему здесь котов на птичьем рынке ищу?! — огрызнулся Мага, и в его глазах вспыхнуло то же отчаяние. — Я сам как проклятый работаю! Отдел логистики без меня рухнет!

— С сегодняшнего дня — нет! — отрезал я, входя в кабинет и швыряя портфель на стол. — Вчера же решили. Мы с тобой полностью переключаемся на инженерный отдел. Со всем остальным справятся отец и дядя Вагаб.

— В курс дела надо вводить! — Мага повалился в кресло напротив, потирая виски. — И как мы вдвоём справимся? Нам нужен хотя бы один человек, который в этом шарит! Я в чертежах и спецификациях как баран в апельсинах! А ты — гендир, а не инженер!

Он был прав. Это была авантюра. Но конкурент, этот подлый Бадаев, вычистил у нас весь костяк, подкупив и переманив лучших. А теперь подкидывал «своих» — вредителей в костюмах. Мы были как осаждённая крепость без оружейников.

— Я найду специалиста, — сквозь зубы проговорил я, глядя в пустой экран монитора. — Хоть из другого города. Хоть с конца света.

— Я уже обзвонил всех наших сокурсников, — вздохнул Мага. — Они пообещали поспрашивать. Но кто согласится сорваться и переехать в такую... в такую неразбериху?

— Не смей нашу компанию так обзывать! — я резко обернулся к нему, но в голосе не было силы. Только та же усталость.

В дверь тихо постучали, и на пороге возникла секретарша моего отца, Айгуль. Лицо её было непроницаемым, как всегда.

— Камал Давидович, Магомед Исрафилович. Вас просят в кабинет Давида Маратовича. Срочно.

— Что опять? — простонал Мага, с трудом поднимаясь. — Я же час назад от них вышел! Я нахмурился. Их? Значит, дядя Вагаб тоже здесь. Надежда, едва теплившаяся, вспыхнула слабым огоньком.

— Час назад новостей не было, — сказал Мага, идя рядом. — Может, сейчас повезло.

— Вот бы, — прошептал я. — Если он найдёт нам человека с мозгами, который сможет хоть что-то сдвинуть... я... — я задумался.

— Что ты? — прищурился Мага.

— Да я этому человеку всё, что он пожелает, отдам!

— И себя в рабство, — съязвил друг.

Я замахнулся, дал ему подзатыльник, но в углу рта дрогнула улыбка.

— Даже собой пожертвую, чего уж там.

Мы подошли к массивной двери отцовского кабинета. Я, не дожидаясь ответа на стук, вошёл. И замер.

Отец и дядя Вагаб сидели не за рабочим столом, а на диване, и общались оживлённо, с редкими для последних дней улыбками. На столе стоял кофейник, и от него пахло дорогими зёрнами и... надеждой? Или это очередная ловушка для таких оптимистов, как я?

— Проходите, проходите, — кивнул отец, жестом указывая на диван.

— Салам алейкум, — автоматически произнёс я, пожимая им руки. Я редко видел отца — жил сейчас на съёмной квартире у офиса, погружённый в хаос. Дядя Вагаб выглядел... странно. Устало, но с каким-то внутренним светом.

— Есть хорошие новости? — сразу врезался в тишину Мага, не выдержав напряжения.

— Очень хорошие, — улыбнулся дядя Вагаб, и его глаза, обычно строгие, смягчились. — Я нашёл вам специалиста. И неплохого.

— Будете вместе вытаскивать наш инженерный отдел, — подтвердил отец, и его взгляд стал твёрдым, предупреждающим. — Только сразу предупреждаю: обидите нашего специалиста — уволью обоих. Не глядя.

— Насколько же дорог вам этот человек, — присвистнул Мага. — Может, нам его на руках носить?

— Нет уж! — воскликнул дядя Вагаб, и в его голосе прозвучала неподдельная тревога. — Руки попридержите при себе! Только работа, и ничего более! Узнаю, что пристаёте — ждите расправы. Особенно ты, Камал!

— Я? — я фыркнул от нелепости. — Да мне от этого специалиста только работа и нужна! Да и... зачем мне к мужику приставать? Вы что, из меня совсем извращенца делаете?

— Камал! — грозный окрик отца вернул меня в реальность. Я стиснул зубы, чувствуя, как краска заливает щёки. Сорвался. Опять.

— Простите, — пробормотал я, опустив голову. — Так где наш специалист? Когда придет? И можем ли мы быть уверены, что это не очередная подстава от Бадаева? Вдруг его люди?

— Мы на все сто процентов уверены в лояльности этого человека, — ответил отец, и его взгляд странным образом скользнул к большому окну, за которым виднелся город. — И это не мужчина.

Я машинально проследил за его взглядом и увидел её. Она стояла у окна в противоположном конце кабинета, спиной к нам, рассматривая панораму. Стройная фигура в идеально сидящем деловом костюме тёмно-синего цвета. Каблуки. Аккуратно собранные наверх волосы. Со спины — просто элегантная, уверенная в себе девушка.

«Красивая», — мелькнула мысль, и тут же её затмила волна раздражения. «Вот именно. Красивая. Обычно такие только штаны просиживают, делая вид, что работают. Неужели старики в отчаянии наняли чью-то беспомощную дочку? Зачем мне эта обуза? Мне нужен боец, а не декорация!»

Ая Сашина

"Развод. Потому что люблю" (16+)

<https://litnet.com/shrt/1FvE>

Торт ложится на лицо мужа очень удачно! Ровненько посередине! Жаль, что небольшой...

Когда лакомство летит на пол, Илья поднимает руку и начинает протирать глаза.

-Не переживай, милый... Я всё еще здесь! Твоя любовница тоже. Никто никуда не уйдет, пока я не выясню, что происходит!

Глава 10

Она обернулась на наш разговор. Чёткий профиль, высокие скулы, губы, поджатые в нейтральную линию. И взгляд... Спокойный, изучающий, без тени смущения.

— Добрый день, — кивнула она, и уголки её губ дрогнули в чём-то, что было далеко от настоящей улыбки.

Я окинул её критическим взглядом с головы до ног. Слишком молода. Слишком... ухоженная для инженерного ада, в который нам предстояло нырнуть.

— Вы уверены, что она справится? — вырвалось у меня, и я сам услышал презрительные нотки в своём голосе. Я не знал, чья она дочь, и мне было плевать. Мне нужен был спасательный круг, а не ещё один груз.

Она слегка приподняла бровь. Этот едва уловимый жест почему-то взбесил меня ещё сильнее.

— Камал! — отец вскочил, лицо его побагровело от возмущения. — Ты как разговариваешь?!

— Отец, дядя Вагаб, я уважаю ваше решение, — я попытался взять себя в руки, но слова лились сами, подогретые усталостью и злостью. — Но мне нужен работник! Рекламируйте чью-то дочку в другом месте. И если это ради того, чтобы меня с кем-то свести, — я прямо посмотрел на девушку, — вы ошиблись адресом. Меня интересует только работа, а не романтика в стиле «офисных заморочек».

В кабинете повисла гробовая тишина. Мага замер с открытым ртом. А девушка... она не смутилась, не покраснела. Она медленно усмехнулась. И в этой усмешке было что-то леденящее.

— Мне начать плакать или устроить истерику для полноты картины? — её голос был низким, ровным, без единой дрожи. — Я могу уйти. Без проблем. Найти работу — не вижу в этом непреодолимой сложности.

— Отлично, — выдохнул я, чувствуя прилив дурной, саморазрушительной решимости. — Выход там.

— Сумо? — вдруг прошептал Мага, и в его голосе было неподдельное, оглушающее изумление.

Я резко обернулся к нему. У нас же было негласное правило — не вспоминать о «мышке». Никогда. К чёрту, он сейчас произнёс это имя при её отце!

— Здравствуй, Мага, — сказала девушка, и её лицо наконец ожило — появилась лёгкая, почти неуловимая улыбка. — Давно не виделись. Ты совсем не изменился, разве что... причёску поменял. Но тебе идёт.

— Да ладно? — Мага рассмеялся, какое-то напряжение с него спало. Он подошёл и протянул ей руку. — С возвращением. Не ожидал тебя здесь увидеть. Дядя Вагаб, да вы хитрец! Ни слова не сказали, что Сумо возвращается!

— Думаешь, я знал? — проворчал дядя Вагаб, но в его ворчании сквозила отеческая гордость. — Позавчера сделала сюрприз, появившись на пороге дома.

— Наша Сумая умничка, просто золото, не ругайте её, — с лёгким упрёком сказал мой отец, и его взгляд на меня стал говорящим: «Ну, сынок, влип?»

А я... Я стоял как вкопанный. Мозг отказывался складывать картинку воедино. Эта... эта самоуверенная, холодная красотка... и та тихая, незаметная Сумая? Не может быть. Они были полными противоположностями. Где очки? Где эта покорно опущенная голова? Где неуверенная улыбка?

— Я не планировала изначально устраиваться сюда, — её голос вернул меня в реальность. Она говорила спокойно, как о погоде. — Потому и не предупреждала. Но отец сказал, что у

вас «небольшие проблемы». Вот я и здесь. Помогу разгрести завалы и пойду искать работу по душе.

Её взгляд, скользнувший по мне, был абсолютно пустым. Ни злорадства, ни боли, ни интереса. Как будто я был частью мебели. И это... это бесило невероятно. Так же, как и раньше, её тишина и спокойствие.

— То есть ты не планируешь остаться? — переспросил Мага.

— Нет, Мага, — она покачала головой. — Я только согласилась помочь. Не хочу работать там, где меня будут уважать за то, что я «дочь Вагаба». Пойду туда, где оценят мои навыки.

— Ты всегда была умной, — Мага усмехнулся. — Не сомневаюсь, что ты отличный специалист. Хотя... — он игриво поднял брови, — блат?

— Никакого блата! — возмущился дядя Вагаб, подходя и обнимая дочь за плечи защищающим жестом. Его лицо светилось. — Моя Сумо — умница. Сама, своими силами. За год сдала экзамены за три курса. Два года пахала в неплохой фирме. Вы только посмотрите, как она работает, и сами всё поймёте!

— Пап, прекращай, — она мягко высвободилась из его объятий, и в её глазах мелькнуло то самое, знакомое мне по прошлому, смущение, но лишь на секунду. — Именно из-за этого я и не хочу здесь задерживаться. И если Камал не против, — она наконец-то прямо посмотрела на меня, и в её взгляде был лишь деловой вызов, — то было бы неплохо начать. Думаю, в отделе накопилось немало. И найдите мне, пожалуйста, толковую помощницу, хоть стажёрку. Я сама обучу её всему необходимому.

— Только пришла и сразу в бой? — покачал головой мой отец с одобрением. — Может, вечером заглянешь на ужин? Асуман будет рада.

— Дядя Давид, я бы с удовольствием, но сейчас не время. Как разгребём самое сложное — обещаю, загляну к тёте Асуман. А пока передайте ей от меня большой привет и что я по ней скучала. Ну а мы, — она повернулась к Маге, — пошли работать? Мага, введёшь в курс дела? Или мне к тебе обращаться надо — «Магомед Ибрафимович»?

— Для тебя, наша Сумо, всегда только Мага, — он с комичной галантностью подставил локоть.

— Ты всё тот же шутник, — она хмыкнула, взяла свою сумку со стола, приняла его руку и, не оглядываясь, вышла из кабинета. Чёткий стук её каблучков затих в коридоре.

А я остался стоять посреди кабинета, чувствуя себя полнейшим идиотом. Мозг наконец-то, с опозданием, выдал осознание: это была она. Та самая. Но... не та. Совсем. Та, что за два года брака не сказала мне и десяти лишних слов. Та, что в конце так спокойно и жёстко взорвала нашу общую жизнь, взяв всю вину и ответственность на себя, и ушла. Я тогда... я тогда испытывал странную смесь облегчения и... уважения. Да, именно уважения. Она поступила как сильный человек, пока я метался в сомнениях. А потом я позволил себе забыть. С головой ушёл в работу, в попытки наладить то, что развалилось с Венерой. И вот она вернулась. И она была не «бывшей женой». Она была... Сумаей. Специалистом. Соперником. И это пугало и притягивало одновременно какой-то нездоровой, запретной силой.

— Удивлён? — отец хлопнул меня по плечу, вырывая из ступора. В его глазах читалось и понимание, и какая-то отеческая ирония. — А я рад, что она здесь. Она и тогда, живя с нами, проявляла ум и характер. Просто была скована. А сейчас... сейчас она знает себе цену.

— А я вот нет, — грустно вздохнул дядя Вагаб, глядя на закрытую дверь. — Я столько недодал. Так много ошибся. А когда спохватился... оказалось, ей уже не нужны были ни моя поддержка, ни мои советы. Она сама справилась со всем. И я виноват, что она научилась так хорошо скрывать всё внутри. Сравнивая с той маленькой девочкой, которая смеялась во весь голос... — он замолчал, смахнув невидимую пылинку с лацкана пиджака. — Но, как говорится, что выросло — то выросло. Она сильная. И выдержит любое давление. Даже твое, Камал, — он посмотрел на меня, и в его взгляде было предупреждение.

— Чего встал? — вернул меня к реальности отец. — Иди. Покажи ей отдел, введи в курс наших «небольших проблем». И помни мое предупреждение.

Я кивнул, ничего не сказав, и вышел. В коридоре было тихо. Где-то там, в эпицентре руин моего инженерного отдела, теперь была она. Сумая. Которая, судя по всему, не собиралась быть «мышкой». И впервые за много дней, сквозь усталость и злость, во мне зашевелилось нечто острое и незнакомое — азарт. И тревога. Глупая, иррациональная тревога.

Ася Акатова

"После развода" (16+)

<https://litnet.com/shrt/6irr>

Муж изменил и бросил меня с дочкой. Каялся. Но ушёл. Через 10 лет моя дочь полюбила его приёмного сына. А муж клянётся, что заново влюбился в меня...

Глава 11

Я шёл по коридору к инженерному отделу, и каждый шаг давался с трудом, словно под ногами была вязкая смола. В ушах всё ещё звенели слова отца и дяди Вагаба, а перед глазами стоял её новый, отполированный до блеска образ. «Она сильная. Выдержит любое давление. Даже твоё».

Давление. Яростное, глупое слово. Так она воспримет моё руководство? Как давление? Как очередную попытку доминировать?

Чёрт!

Мысли путались в мерзлом клубке. Изначальная злость на ситуацию медленно перетекала в другое, куда более неприятное чувство — неловкое, колющее осознание того, что мне придётся с ней работать. Не просто видеть мельком на семейных ужинах, а ежедневно взаимодействовать. С бывшей женой. Я не мог просто отвернуться.

Во-первых, по единодушному мнению старших, она разбирается в деле. Во-вторых, она имела полное право находиться здесь как дочь одного из основателей. Я был в ловушке собственного прошлого и профессиональной необходимости.

Я замер перед дверью отдела, где теперь кипела, судя по всему, новая жизнь, и сделал глубокий, шумный вдох, пытаясь собраться. Затем вошёл.

Мага и она сидели в кабинете главного инженера — том самом, куда я собирался временно переселиться. Через стеклянную стену было видно, как они разговаривают. Не просто обсуждают дела, а именно разговаривают — спокойно, с лёгкими улыбками. Картина была настолько мирной и... обыденной, что выглядела почти издевательством на фоне моего внутреннего шторма.

Я прокашлялся, привлекая внимание, и открыл дверь. Разговор мгновенно оборвался. Два пары глаз уставились на меня. Я застыл под её взглядом — спокойным, оценивающим, без тени былой робости — и почувствовал себя нелепо и неуместно. Я не знал, что сказать. Мы расстались не как враги, это правда. Но прошлое... Оно висело между нами тяжёлым, невидимым занавесом. И мне, если честно, было мучительно стыдно за того мальчишку, которым я был тогда. Стыдно и... неловко.

— Чего застыл-то, памятник? — меня вывел из оцепенения голос Маги. — Садись. Мы тут с Сумо старые добрые времена вспоминаем. Как тусили раньше.

Тусили? У меня в памяти не возникало ни одной подобной картинке. Да, она иногда мелькала на общих сборищах, тихое пятно в углу. Но чтобы быть частью нашей компании, нашей шумной тусовки... Этого не было. Или я просто не замечал?

— Кто прошлое помянет, тому в глаз, — пошутила она с лёгкой, почти неуловимой улыбкой. Но улыбка эта была какая-то... универсальная. Для всех и для всего. Не искреннее веселье, а социальная маска, надетая по случаю.

— Ну ты даёшь! — Мага с комичным возмущением развёл руками. — Верни прежнюю Сумо! Та со мной хоть мило болтала, а ты за пять минут уже дважды попросила перейти к работе. Рабочая лошадка!

— Боюсь, как бы начальство с первой же минуты не выгнало, не дав и шанса, — она произнесла это чуть тише, покосившись на меня. В её тоне не было страха, лишь лёгкая, игривая ирония. — Говорят, гендир у вас последнее время ходит злой-презлой, как дикий зверь. Как бы под горячую руку не попасть.

— С этим даже спорить не буду! — Мага с пафосом вздохнул, и они оба переглянулись, кивнули друг другу и синхронно вздохнули с преувеличенной усталостью. Настоящие актёры! Сплелись против меня за пять минут!

— Я смотрю, вы ни капли не боитесь, раз сидите тут и даже на шаг не приблизились к работе, — съязвил я, проходя к креслу начальника. Оно показалось мне внезапно чужим.

— Да брось, Камал, — откинулся Мага на спинку стула. — Сумо только приехала. Давай хоть все вместе сходим на обед. Разомнёмся.

— Не стоит, — тут же, мягко, но недвусмысленно, отрезала Сумая. — Сейчас точно не до этого. Как-нибудь потом, в другой раз. Лучше объясните, что к чему. С чего начнём?

— Кроме того, что от нас сбежал, как крысы с тонущего корабля, весь инженерный отдел, мы тебе ничего внятного сказать не можем, — развёл руками Мага, и в его жесте была искренняя досада. Я же сидел, сцепив пальцы в тугой замок, и слушал. Мне было тяжело — не физически, а морально. Тяжело собраться и влиться в их непринуждённый, почти дружеский диалог. Я никогда не думал, что Мага был так близок с Сумаем. Мне всегда казалось, мы относились к ней одинаково — как к неизбежному, тихому фону нашей жизни. Оказывается, я ошибался. Грубо и глупо ошибался.

— Ясно. Значит, вы как руководители даже не в курсе, что творилось у вас под носом? — её вопрос прозвучал не как упрёк, а как констатация печального факта.

— Наше дело — стратегия и контроль общих, а не за каждым инженером по пятам ходить! — проворчал Мага с обидой, и на его лице появилось знакомое выражение — будто его незаслуженно оскорбили, и если сейчас же не загладить вину, он расплчется. Вечно он использовал этот дешёвый приём с девушками!

— Я-я-ясно, — она улыбнулась, и в этой улыбке появился первый проблеск чего-то живого — лёгкого, почти невидимого огонька. — Знаешь ведь, что со мной твои штучки не работают? Можешь хоть головой об стену — мне всё равно. — Она хлопнула глазами. Быстро, почти мило.

Мило? Я серьёзно только что подумал это слово по отношению к Сумаме? К той, кого я звал «мышкой» и «скучной»?

— Ты всё та же вредная, — с преувеличенной скорбью вздохнул Мага, но в его глазах танцевали искорки. — Ты ещё разнесёшь наш отдел к чертям собачьим со своими «разборами полётов». Я-то это на своей шкуре знаю. И мало не покажется тем, кто тебя сюда пригласил. Как бы твой отец и твой бывший свёкор не пожалели о своём решении.

— Почему? — я нахмурился, наконец вступая в разговор. Что такого может сделать Сумая? Ей всего двадцать пять. Какой у неё может быть авторитет, чтобы пугать опытных бизнесменов?

— А ты сам не знаешь? — Мага удивлённо округлил глаза. — Сумо, когда она входит в раж...

— Хватит, Мага, — она мягко, но твёрдо остановила его. В её голосе прозвучала лёгкая, едва уловимая усталость. — Чем слушать твою воздушную болтовню, я пойду разбираться с тем, что мне предстоит. Чем быстрее начну, тем быстрее завершу. Вы сидите. Собираемся, когда я хоть что-то разгребу. И да, — она уже повернулась к выходу, — про помощницу для меня не забудьте, пожалуйста. Хотя бы с элементарными навыками. Даже если это студентка.

— Есть, босс! — громко, по-военному, козырнул Мага.

— Умничка. Будь всегда таким послушным мальчиком. Может, когда-нибудь я забуду про тот день. — Она подмигнула ему, затем кивнула мне — коротко, по-деловому — и вышла из кабинета.

— Сумо! — возмущённо воскликнул Мага, подскочив с места, но не пошёл за ней. Он плюхнулся обратно в кресло, и мы оба, словно по команде, повернулись к стеклянной стене.

Она поставила сумку на свободный стол, обвела взглядом помещение — быстрый, сканирующий взгляд хищника, оценивающего территорию, — и начала обходить его. Подходила к шкапам с документами, вынимала папки, бегло пролистывала. Лицо её постепенно хмурилось. Она откладывала документы в разные стопки с такой сосредоточенной серьёзностью, что

стало даже немного не по себе. Минут десять мы с Магой молча наблюдали за этим безмолвным спектаклем.

— Окрепла, мышка, — вдруг тихо, с лёгкой усмешкой произнёс Мага, поворачиваясь ко мне. — Она ещё устроит нам с тобой настоящий ад. Вот увидишь.

— Откуда такая уверенность? — я прищурился, поддаваясь на его провокацию, но внутри меня что-то ёкнуло. — Что такого особенного она может сделать? Почему ты думаешь, наши отцы получают от неё выговор?

Мага посмотрел на меня так, будто я только что сказал, что земля плоская.

— Ты серьёзно? Это же Сумо. Со своим гипер-мозгом. Она ещё в школе программу щёлкала как семечки, пока все остальные пыхтели над учебниками. Сколько раз она нас выручала!

— Нас? — я не понял.

— Ну, в школе же. С домашками.

— Ты же всегда сам решал, — пробормотал я, чувствуя, как под ногами начинает уходить привычная почва. Сумая и «гипер-мозг»? Эти два понятия в моей голове отказывались соединяться.

— Ага, шас! — фыркнул Мага. — Я все твои и свои домашки ей отдавал. А она возвращала всё сделанным через пару часов. Ты что, правда думал, что я настолько гений, чтобы и с вами тусить, и за двоих уроки делать?

«М-м-м...» — я промычал что-то невнятное, не в состоянии говорить. Я смотрел теперь на неё по-другому. На ту, что за стеклом методично разбирала чужой бардак. И чувство, которое поднималось внутри, было острым и неприятным. Обидой? Да, пожалуй. Глупой, запоздалой обидой. Оказывается, моя тихая, незаметная жена вела своё, интересное существование, о котором я не имел ни малейшего понятия. Мой лучший друг знал её с какой-то другой, живой стороны, был с ней близок больше, чем я мог предположить. Мага знал ту Сумую, о которой я даже не догадывался.

Или... не хотел знать.

Потому что это было проще. Гораздо проще видеть в ней просто «дочь Вагаба», тихую девочку в очках, которую заставили выйти за меня. А не человека. Не умную, интересную девушку с «гипер-мозгом».

Это осознание било по самолюбию сильнее, чем любая профессиональная неудача. И заставляло смотреть на неё теперь совсем другими глазами.

Ли́ка Ла́нц

"Предательство не повод сдаваться" (16+)

https://litnet.com/shrt/_qq6

Муж предал и сбежал, квартиру отняли за долги, с работы попросили уйти по собственному желанию... Я думала, моя жизнь рухнула, и теперь остается просто выживать.

Но мир не без добрых людей... да и я еще могу удивлять! Причем, не только себя, но и окружающих!

Я – разведенка, которой прилично за 40, но это совершенно ни о чем не говорит!

Глава 12

С утра я твёрдо решил: перебираюсь в инженерный отдел. Там сейчас фронт работ, а свои директорские обязанности я смогу выполнять и оттуда, отец обещал подхватить часть вопросов. Сумаю после вчерашнего дня не видел — самому показываться на глаза было как-то неловко, а она, видимо, меня и не искала. Просидел вчера допоздна, пытаюсь разобрать завалы в своём кабинете, чтобы сегодня с чистой совестью окунуться в инженерные дебри.

— Сумо не видел? — ближе к обеду в кабинет заглянул Мага. Он тоже вчера засиделся допоздна и сейчас выглядел помятым, с синевой под глазами. Мы оба уже несколько ночей не спали нормально.

— Нет, — хмуро ответил я, не отрываясь от монитора. Я и сам с утра то и дело выглядывал в коридор, ловя движение у дверей отдела. Её нигде не было. Вроде должна быть здесь, как образцовый работник, но её нет. В голове зашевелилась ехидная, ядовитая мысль: «Неужели проспала? Всё же не умеет работать, а пришла сюда покрасоваться за счёт отцовского имени?»

— Странно, — прошептал Мага, опускаясь в кресло. — Ладно, придёт как придёт. Я был в отделе кадров. Три человека на собеседование пришли. Двое — откровенно подозрительные, отказал, даже не слушая. А одна... девчонка совсем, на помощницу претендует. Оставил анкету для Сумо. Пусть сама посмотрит, если появится. Решать ей.

— Уверен, что не подслана? — переспросил я, всё ещё не в силах отогнать паранойю.

— Девчонка слишком... зелёная. Неуверенная, глаза бегают. Не думаю, что Бадаев стал бы посылать такую на такое дело. Слишком рискованно.

— Ну, смотри. Если... — я не успел договорить.

Дверь кабинета с силой распахнулась, и ворвалась она. Фурия в спортивных штанах, с небрежным пучком на голове, из которого выбивались пряди. Лицо было сосредоточенным, почти суровым. Сумая стремительно подошла к столу и с глухим стуком поставила передо мной папку с документами.

— Подписывай. Быстро!

— Что сделать? — я оторопело посмотрел на неё, не понимая такой резкости.

— Срочно подписывай этот приказ и отдай команду остановить все работы на объекте «Горизонт»!

— Причина? — напрягся я, уже листая документ. Взгляд выхватывал строчки: «... в связи с выявленными критическими несоответствиями... немедленная приостановка...»

Мага встал и подошёл ближе.

— Какие некорректные чертежи? О чём ты?

— Всё объясню, но сначала — остановка работ. Это первоочередное, — её голос был твёрдым, без колебаний. — Пока мы здесь сидим, на объекте, возможно, уже идёт монтаж по бракованной документации. Я подготовила предписание. Его нужно подписать и запустить в действие в течение часа. Чем быстрее, тем лучше.

— Сумо, подожди...

— Всё потом! Сначала это! — она ткнула пальцем в лежащие передо мной бумаги и наконец подняла на меня глаза. В них не было истерики, только холодная, неумолимая решимость. — Ты можешь отменить приказ, когда выслушаешь меня и решишь, что я ошибаюсь. Но сейчас тебе ничего не будет стоить остановить работы на один день. Риск нулевой. А промедление может стоить всего.

Несколько секунд я молча смотрел на неё, взвешивая. В её словах была железная логика. Если она ошибается — я получу повод показать отцу, кого он привёл, и она уйдёт. Я избавлюсь от этого странного напряжения. А если она права... то окажется не «дочкой папы», а единственным человеком, который увидел катастрофу, пока мы все спали.

— Хорошо, — я кивнул, ощущая, как сердце начинает биться чаще. Взял ручку и размашисто подписал документ.

Она едва заметно кивнула, без слов схватила подписанный приказ и вылетела из кабинета так же стремительно, как и появилась.

— Займись, — коротко бросил я Маге, а сам набрал отца, чтобы предупредить о решении. Не стал говорить, что это инициатива Сумаи. Сначала нужно понять масштаб.

Спустя пятнадцать минут мы с Магой шли в конференц-зал.

— М-да, — хмыкнул Мага, нервно взъерошивая волосы. — Сумо начала выбивать почву из-под ног, и не только у Бадаева. Я нервничаю, друг. Чувствую, она сейчас на наши головы ещё одну гору проблем свалит.

— Посмотрим, — пробормотал я, но внутри всё тоже сжалось в тугий комок.

В конференц-зале она уже ждала, склонившись над разложенными бумагами. Её домашний, почти небрежный вид контрастировал с абсолютно деловой, сосредоточенной атмосферой, которую она создавала вокруг себя.

— Садитесь уже, — бросила она, не поднимая головы. — И лучше рядом. Не хочу тратить время, бегая с бумажками из одного конца стола в другой.

— Грубиянка, — вздохнул Мага с наигранной обидой.

— Приму как комплимент, — парировала она без тени улыбки. — Так, за работу. Это, — она щёлкнула по планшету, и на большом экране всплыли таблицы, — данные по закупкам материалов через нашего основного подрядчика. Обратите внимание на графу «соответствие ГОСТ». В сорока процентах случаев материалы либо не соответствуют заявленным спецификациям, либо их качество вызывает серьёзные сомнения. При этом оплата проведена полностью, по максимальной стоимости. Кто утверждал эти акты приёмки?

С каждым её словом у меня холодели кончики пальцев. Я перевёл взгляд на Магу. Он перестал строить шутовские рожи, его лицо стало каменным, глаза сузились. Мы оба прекрасно понимали, что это значит. Предательство. Системное и наглое.

— Старый замтех по снабжению, Рашид, — глухо ответил Мага. — Ушёл «по состоянию здоровья» месяц назад.

— Так и думала, — кивнула Сумая. Её палец снова коснулся экрана. Следующий слайд — сложная схема с ярко-красными пометками в ключевых узлах. — Второе. Я сравнила рабочие чертежи, что лежали в нашем архиве, с теми, что ушли на производство и, что важнее, на согласование в надзорные органы. Они отличаются. Здесь всё подробно расписано, посмотрите, — она протянула нам распечатанные листы с сравнительным анализом. — Расчёты под эти изменения были подогнаны. И подписаны они... — она сделала паузу, давая нам взглянуться в знакомую подпись в уголке чертежа, — нашим бывшим главным инженером. И подписал он их за три дня до своего «внезапного» увольнения.

Я смотрел на эти красные, как кровь, метки, расставленные ею по схеме, и внутри всё переворачивалось. Меня тошнило от осознания. Это был не стихийный саботаж. Это была продуманная, многоходовая мина замедленного действия, заложенная под самый фундамент проекта. Под всё наше будущее. Если бы что-то случилось — авария, обрушение, человеческие жертвы — ответственность легла бы всей тяжестью на нас. А Бадаев в это время наблюдал бы со стороны с чистыми руками и, возможно, даже с соболезнающим выражением лица.

Рина Беж

"Разведенка прилично за 40" (16+)

<https://litnet.com/shrt/f8of>

Муж предал и сбежал, квартиру отняли за долги, с работы попросили уйти по собственному желанию... Я думала, моя жизнь рухнула, и теперь остается просто выживать.

Но мир не без добрых людей... да и я еще могу удивлять! Причем, не только себя, но и окружающих!

Я – разведенка, которой прилично за 40, но это совершенно ни о чем не говорит!

Глава 13

— Почему этого никто не увидел?! — сорвалось у меня наконец, гневно, в затянувшуюся паузу. Голос хриплый от сдавленной ярости. Я смотрел на эти метки на схеме, и мне хотелось снести что-нибудь. — Как они сумели всё это проверить? Мага?! Почему наш техотдел пропустил это, не проверив как следует?!

Сумая была непоколебима. Она не отшатнулась от моего взрыва, лишь перевела на меня свой спокойный, аналитический взгляд.

— Думаю, кто-то из вашего техотдела был в сговоре, — её голос звучал как холодный душ. — Или на него надавили. Все акты проверок, что я нашла, — чистая формальность. Подписи есть. А сути — ноль.

— Чёрт! — Мага ударил кулаком по столу, и стакан с водой подпрыгнул. — Нас хотели утопить в дерьме. Буквально!

— Да, — подтвердила она, и в её согласии была леденящая простота факта. — Главное сейчас — мы работы приостановили. Пока всё будем перепроверять и восстанавливать, проект встанет. Потери будут. Но они — ничто по сравнению с тем, что могло бы произойти.

Она была спокойна. Абсолютно. Ни малейшей дрожи в голосе, ни тени паники в глазах. Либо она мастерски всё скрывала, либо её нервная система была выкована из той же стали, что и её ум. И это «всё» — этот ворох предательств и подлогов — она раскопала за ночь. Одна.

— Ты... всю ночь работала? — спросил я, непроизвольно подавшись вперёд.

— Да.

— Как? — воскликнул Мага, смотря на неё с смесью ужаса и восхищения. — Это же... голова сломается, пока всё это выяснишь!

— Методичность, — она пожала плечами, как будто говорила о простой уборке. — И понимание, где и что искать. Достаточно одной ниточки, чтобы начать распутывать весь клубок. Сейчас локализуем угрозу, проверим всё по текущим проектам. Мало ли, где они ещё успели свинью подложить. — Она перевела взгляд на Магу. — Помощницу нашли?

— Да, — кивнул он. — Уже оформляется. Девчонка, новичок. Немного пугливая.

— Ничего. Разберусь. А другие кандидаты? Никого не нашли?

— Нет, — с раздражением выдохнул я, откидываясь на спинку кресла и сцепляя пальцы в тугой замок. Чувство беспомощности снова накатывало. — Словно Бадаев действует на шаг впереди и знает каждый наш ход.

— Тогда... — Сумая задумчиво прикусила нижнюю губу.

И я... залип на этом. На этом простом, непроизвольном жесте. На том, как её губы слегка побелели под давлением зубов, как на мгновение сосредоточенность на её лице сменилась лёгкой, почти невидимой уязвимостью. Сам не ожидал такой реакции. Я прокашлялся, чтобы скрыть замешательство, схватил бутылку с водой и сделал большой, жадный глоток, пытаюсь смочить внезапно пересохшее горло.

— ...если не против, я позову пару знакомых, — закончила она свою мысль, уже снова полностью собранная. — Ребята надёжные, помогут вытащить нас из этой ямы. А вы тем временем будете искать своих людей, осторожно. И давайте... пустим слух. Что компания на грани, что у нас кризис, что угодно. Сами придумайте.

— Зачем? — мы с Магой спросили почти одновременно.

— Чтобы отвлечь внимание Бадаева, — пояснила она, и в её глазах мелькнула тень стра-тега. — Пусть думает, что мы уже разбиты и ему не нужно больше ничего делать. Расслабится. А мы в это время будем тихо всё чинить. Это лишь предложение. Решать вам.

Она собрала свои бумаги, взяла планшет и направилась к выходу. Я сидел, понимая, что так и не дал ей прямого ответа насчёт её друзей. «Ребята». Мужчины. Знакомые, которых она знает и которым доверяет больше, чем нам.

— Сумая, — я назвал её по имени. Впервые за всё это время. И почувствовал, как это слово, привычное и в то же время новое, обжигает губы. — Я не против. Если пригласишь своих людей. Если они, конечно, надёжные.

Она остановилась у двери, обернулась. Её взгляд был всё таким же нейтральным, оценивающим.

— Ответ за них буду держать я, — просто сказала она и вышла, мягко прикрыв дверь.

И всё. Ни кивка благодарности, ни намёка на улыбку. Маге она улыбалась. Шутила с ним. А мне? Чёрт! Что со мной происходит? Ещё час назад я сомневался в ней, почти желал её провала, чтобы доказать свою правоту. А теперь... теперь я сижу и ловлю себя на идиотской мысли: «Почему она мне не улыбнулась?»

Точно, я повредил себе что-то. Перегрелся. Но... она работает. Блестяще. Она вскрыла за ночь то, что мы упустили. Она доказала, что у неё не только лицо, но и мозги. Это я оказался слепым, самоуверенным придурком, который не разглядел в собственной жене ничего стоящего.

— Ну и? — усмешка Маги вернула меня в реальность. Он щёлкнул пальцами прямо перед моим носом. — Как тебе наша Сумо? Хороша, а?

— Что? — огрызнулся я.

— Говорю, хороша. И лицо, и мозги. Не девушка — а мечта. Если бы не воспринимал её как сестру, давно бы за ней приударил.

Я смотрел на него, не веря своим ушам.

— Ты? За ней?

— Ага, — он хмыкнул, и в его улыбке была лёгкая, старой дружбы, ирония. — Ещё в школе пытался. Предложил ей как-то... знаешь, попробовать что ли. Она отказала.

— Ты ей предлагал?! — голос мой сорвался на повышенных тонах. — И она отказала?

— Чётко, как бухгалтерский отчёт, — кивнул Мага. — Сказала, что нравится другой. Что она однолюб. И даже если её «объект» её никогда не примет, она всё равно не сможет быть с кем-то ещё. А во мне, — он махнул рукой, — видит только друга, брата. И менять это не хочет.

Однолюб. Это слово прозвучало тихо, но отозвалось во мне глухим ударом. Я невольно взглянул на дверь, за которой только что скрылась моя бывшая жена. Значит, всё это время... даже тогда, в нашем пустом браке...

— И... в кого? — вопрос вырвался быстрее, чем я успел его обдумать. — В кого она была влюблена?

Мага прищурился, его взгляд стал изучающим, почти хищным.

— Интересно стало, да? — он усмехнулся. — Думаешь, будучи замужем за тобой, она любила другого? Ну, так вы квиты, друг мой. У тебя была Венера, у неё — своя любовь. И нормально, что вы разошлись.

— Кто? — я выдавил сквозь зубы, чувствуя, как внутри что-то дико, нелепо закипает. Мне до зуда нужно было знать.

— Понятия не имею, — пожал он плечами с искренним недоумением. — Не интересовался. Не моё дело.

— Ясно, — пробормотал я, вставая и хватая со стола бумаги, которые оставила Сумая. Мне нужно было выбраться отсюда, остаться наедине с мыслями, которые неслись теперь с бешеной скоростью.

Но отложить Сумаю и её тайную любовь в сторону не получалось. Мысли путались, накладывались одна на другую. Сначала — раздражение на «красотку», потом — шок от узнавания. Потом — её ум, её холодная, стальная эффективность, от которой захватывало дух.

Потом — эта прикушенная губа и моя дурацкая реакция. Её любовь. К кому-то. И... мои собственные, внезапно вспыхнувшие и совершенно неуместные мысли. Мысли о том, чтобы соответствовать. Чтобы догнать. Чтобы быть не тем, кем я был, а тем, кто мог бы быть рядом с ней на равных.

С чего бы? Мы никогда не были близки. И не будем. Я и не хотел быть с ней близок.

В том-то и дело. Не хотел раньше. А сейчас... сейчас я самого себя не понимал. Всё внутри перевернулось с ног на голову, и единственной твёрдой точкой в этом хаосе оказалась она. Сумая. Та, кого я когда-то с такой лёгкостью отпустил.

Вера Рей

"После развода. Наш сын назовёт тебя дядей" (18+)

<https://litnet.com/shrt/cOLe>

Он отказался от нас... Избавился, как от ненужного балласта. Забыл о нашем существовании... Но когда мы стали ему нужны, он снова напомнил о себе. Вот только... Теперь он не нужен нам. А наш сын теперь называет его ДЯДЕЙ.

Глава 14

Следующие два дня пролетели в вихре работы. Сумая, несмотря на то что я всё же не рядовой сотрудник, завалила и меня делами, четко и методично. Она взяла на себя командование и руководила нами – мной, Магой и своей новой помощницей, Миной.

Последняя была милой, но ужасно неуклюжей: роняла папки, путала документы, её глаза постоянно округлялись от ужаса перед очередной ошибкой. На моём месте, в моём нынешнем состоянии напряжения, я бы давно на неё прикрикнул. Но не Сумая.

Она ни разу не вздохнула с раздражением, не бросила осуждающего взгляда. Она просто останавливалась, терпеливо объясняла снова, помогала собрать рассыпанные листы, и только потом возвращалась к своим, куда более сложным задачам. Её спокойствие в этом хаосе было почти сверхъестественным.

— Сумо, — с драматическим стоном Мага присел на край её стола. Я в этот момент стоял у полки, сверяя бесконечный список документов, который она мне вручила. — Я умираю.

— Сделал то, о чём просила? — она не оторвалась от монитора, её пальцы продолжали быстро стучать по клавиатуре.

— Да, узнал я всё, что нужно, — вздохнул Мага. — Ну, Сумо, может, пообедаем? Уже три часа дня, а я даже позавтракать не успел. Желудок на себя обижается.

— Я должна была тебе завтрак приготовить? — она подняла на него взгляд, изящно изогнув бровь, и указательным пальцем поправила очки. Самые обычные, строгие очки. Но на ней... на ней они смотрелись иначе. На фоне собранных в небрежный, но элегантный пучок волос, пары выбившихся прядей у висков, они добавляли образу что-то... умное, сосредоточенное, бесконечно притягательное. Почему меня так тянет смотреть на неё?

— Уже несколько дней как ты здесь, а мы даже не виделись, чтобы просто поговорить! — взмолился Мага. — Сплошные отчёты, проекты, цифры! Это же не жизнь!

— Тогда, может, ты сам всё сделаешь, — она повернулась к нему и одарила его милой, но абсолютно безжалостной улыбкой, — а я пойду искать себе спокойную работу в другой компании? И как только устроюсь, сразу позвоню, чтобы поболтать. Обещаю.

Её слова пронзили меня внезапным холодком. Уйти? Куда? Зачем? Мы только-только начали разгребать эту чудовищную проблему. Без неё мы снова погрузимся во тьму.

— Нет, — сказал я твёрдо, подходя к ним. — Мага пошутил. Продолжай работать. Я закажу нам обед. Есть предпочтения? — я обратился к ней, и мой взгляд невольно задержался на её лице. Длинные ресницы, отбрасывающие лёгкие тени на светлую кожу, аккуратные брови, губы... розовые, чуть пухловатые, с едва заметной ямочкой в уголке. Так, прочь, идиотские мысли!

— Ей — салат «Цезарь», пиццу «Цезарь» и колу безо льда, — как заученный урок, отбарабанил Мага, поднимая указательный палец.

— Оказывается, у тебя память всё-таки имеется, — она усмехнулась, и в её глазах промелькнула искорка тепла. — Думала, ты окончательный раздолбай, который ничего не запоминает.

— Мы с тобой столько раз обедали вместе, что я ни за что не смог бы забыть, что ты любишь, — с лёгкой бравадой ответил Мага.

— Обедали вместе? — переспросил, чувствуя, как внутри поднимается что-то неприятное, колючее. Раздражение. На их общую историю, в которой для меня не было места.

— Ну да, — пожал плечами Мага, как о чём-то само собой разумеющемся. — Я тебя звал с нами посидеть, но ты всегда был «занят».

Я замер. В памяти всплыли смутные картины: Мага, что-то болтающий о «пойти с Сумо в кафе», и моё собственное, снисходительное отмахивание. «Скучная очкарик, неинтересно».

Откуда же мне, придурку, было знать, какая она на самом деле? Сколько всего я упустил из-за собственного высокомерия и слепоты...

— Ребята, идите работать, а? — вздохнула Сумая, и в её голосе прозвучала лёгкая, но заметная усталость. — Вы меня отвлекаете. Каждый в свой угол и за дело. И да, Мага, оставь то, что нашёл. — Она снова улыбнулась, на этот раз коротко и деловито, и немедленно погрузилась в экран компьютера.

— Вредина! — фыркнул друг, швырнув стопку бумаг к ней на стол. — И да, за тобой должок!

— Запиши куда-нибудь. В старости с первой пенсии всё верну, — пробурчала она в ответ, уже полностью сосредоточившись.

С каждым часом я узнавал о своей бывшей жене что-то новое. И с каждым открытием внутри росла горькая, бесполезная досада. Почему так вышло, что мой лучший друг был с ней так близок, а я — нет? Если бы я тогда вышел из своей скорлупы, если бы увидел... Возможно, наш брак сложился бы иначе. Возможно, многое было бы иначе.

— Что-то ещё? — она подняла на меня вопросительный взгляд, поймав мой пристальный взор.

— Нет, ничего, — я поспешно покачал головой и отвернулся, чувствуя, как по щекам разливается тепло. Но выбросить её из головы не получалось.

Обед привезли. И даже тогда она не остановилась. Взяла свою порцию, устроилась в кресле, поджав под себя одну ногу, и продолжала работать с планшетом в одной руке и вилкой в другой. И я снова залип. На том, как она кончиком языка аккуратно убрала каплю соуса с уголка губ. На том, как большим пальцем свободной руки стёрла ещё одну и машинально облизала его. Простой, бытовой жест. А у меня внутри всё перевернулось. Я окончательно рехнулся, это был единственный логичный вывод.

Алекс Мара

"Развод. Даже если сердце плачет" (16+)

<https://litnet.com/shrt/dprd>

— Выйди, Вика, и закрой дверь! Неужели не видишь, что я не один?! Если хочешь спать, ляг на диване. Мы с Катюшей здесь надолго. — С этими словами муж подхватывает незнакомку на руки и несёт в нашу постель.

Стою в дверях спальни, ошарашенная и онемевшая. Три года брака, любовь, планы...

Муж знает, что я дома и ко мне пришли подруги, но без стеснения привёл в нашу спальню другую женщину. А меня выгнал.

Глава 15

Чтобы прийти в себя, решил заглянуть к отцу. Деловой разговор должен был вернуть меня в нормальное русло. Но я жестоко ошибся.

— Она молодец, — отец встретил меня с довольной улыбкой, едва я завёл разговор о работе. — Всегда знал, что она себя покажет. Правда, думал, как моя невестка... Но что уж. Я всё равно горд за неё. Надо ей хорошего мужа найти, адекватного. Я даже Вагабу несколько кандидатур предложил, он согласился рассмотреть.

— Она... замуж хочет? — спросил я, и голос прозвучал неестественно напряжённо.

— Сама ничего не говорила, но пора бы, — проворчал отец. — В её возрасте у многих уже семьи, дети. А она одна, с работой на уме. И тебе, кстати, пора! Долго нам с матерью внуков ждать? Не молодеем знаешь ли!

— Пап, не начинай, — простонал я, вставая.

— Что не начинать? — отец возмущённо поднял брови. — Сумаю не удержал. Потом завёл было речь о какой-то невесте, да и забросил. Уже два года только работа да друзья. Я скоро начну верить слухам, что тебя девушки вообще не интересуют!

— Это уже перебор!

— Перебор — это то, что мой взрослый сын никак не остепенится! — Он ткнул в меня пальцем. — Никак не подарит мне внука!

— Внука и не женившись можно подарить, — усмехнулся я, потирая затылок, но шутка не удалась.

— Только попробуй! — прогремел отец. — Этими самыми руками выпорю, засранец!

— Вот, вот! — в разговор неожиданно ворвался голос моей матери. Она появилась в дверях кабинета, словно её вызвали силой мысли. — Я подготовлю и палки, и крапиву. Найдём, чем тебя проучить.

— А ты что здесь делаешь? — удивлённо спросил её отец. Мама действительно появлялась в компании крайне редко.

— Что значит, что делаю? — она возмущённо упёрла руки в бока. — Где моя Сумо? Почему вы её скрываете от меня? Почему не отпускаете девочку хоть на часок?

— Я же говорил, она работает! — вздохнул отец. — Как разгребут дела — навестит.

— Ничего не хочу слышать! Камал, немедленно веди меня к ней. Я соскучилась по моей невестке... — она запнулась и бросила на меня колкий взгляд. — По моей бывшей невестке. Веди, давай!

Закатив глаза, я покорно вышел из кабинета. Всю дорогу до инженерного отдела мама без умолку болтала о Сумое. Вспоминала, как они вместе ходили по магазинам, готовили сложные десерты, смотрели глупые комедии и смеялись до слёз. Каждое её слово было новым ударом. Опять. Опять я ничего этого не знал. Опять я был на периферии её жизни. Это не у Сумаи жизнь была скучной. Это я был идиотом, который не желал в неё всмотреться.

— Девочка моя! — едва переступив порог отдела, мама воскликнула и буквально полетела к Сумое с распростёртыми объятиями.

— Тётя! — лицо Сумаи озарилось такой искренней, открытой, лучезарной улыбкой, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Такой улыбки я у неё ещё не видел. Никогда. Даже Маге она улыбалась тепло, но с лёгкой долей иронии. А эта улыбка была чистой, беззащитной радостью.

— Моя красавица, — мама обняла её, глядя по спине. — Совсем взрослая стала. Наверное, поклонников много у моей девочки.

— Тётя, ну что вы, — Сумая смущённо рассмеялась, но глаза её сияли. — Какие поклонники? Вы лучше расскажите, как сумели сохранить такую красоту? Словно не три года прошло, а три дня.

— Ах ты, проказница, — мама отступила, держа её за руки. — Ладно, ничего не знаю. Я забираю тебя из этого ада, и мы идём куда-нибудь посидеть.

— Тётя, у меня тут очень много работы, — Сумая сделала виноватое лицо, вытянув нижнюю губу. И этот детский жест на её взрослом, умном лице выглядел невероятно мило и трогательно.

— Пусть мужчины работают! Мы столько лет не виделись! Разве работа важнее, чем я?

— Нет, конечно! — Сумая воскликнула, сжимая её руки. — Вы для меня важнее всего. Просто... папа и дядя Давид так много вложили. Я не могу их подвести.

— Я же не прошу всё бросить! Я хочу хотя бы часик! С ними ты целыми днями, даже с этим болваном, который профукал такую умницу, — мама кивнула в мою сторону, — а я? Я же скучала!

— Я... — Сумая растерянно опустила глаза.

— Тётя! — в этот момент с криком влетел Мага. — Вы — моя спасительница! Умоляю, уговорите её посидеть где-нибудь и не говорить о работе! Я устал! Мои уши скоро отвалятся! Они не выдержат ещё одного технического термина!

— Шут гороховый! — беззлобно стукнула его по плечу Сумая, но в её глазах уже читалась капитуляция.

— Идёмте, — сказал я, поворачиваясь к выходу. Мама всё равно не уйдёт, не добившись своего. Да и... мне отчаянно хотелось увидеть её вне этих стен. Увидеть Сумаю, которая не командует, не анализирует, а просто живёт. Уверен, я узнаю ещё много нового. И, возможно, окончательно сойду с ума.

— Спаситель ты мой! — Мага хлопнул меня по плечу, сияя.

— Идём, милая, идём, — я услышал за спиной довольный, победоносный голос мамы.

— Хорошо, тётя, хорошо, — наконец сдалась Сумая. — Мина, на сегодня ты свободна. Спасибо за помощь.

И вот мы вышли. Я шёл впереди, слушая весёлый щебет двух женщин позади и беззаботные шутки Маги. Мы направились в ближайшее тихое кафе. А в груди у меня колотилось что-то странное, тревожное и сладкое одновременно. Как будто я украдкой получил доступ к чему-то запретному и бесконечно ценному. К кусочку её жизни, который не принадлежал ни работе, ни прошлому, ни мне. Пока что.

Ирина Давыдова

"Бывшие Между нами метель" (18+)

<https://litnet.com/shrt/1Yio>

Он исчез, вырвав кусок моего сердца, оставив рваную метку, которая истекает кровью долгие годы. Украл мою душу, жизнь — все, что могло быть счастьем. И он так и не узнал о той тайне, что я унесла под сердцем... Тайне, которая разрывает меня изнутри всю жизнь...

Глава 16

Мы устроились в уютном углу кафе с мягкими диванами. Мама сразу же увлекла Сумаю на соседний диван, усадив её рядом с собой, и засыпала вопросами. Мага, хихикая, устроился напротив них, явно наслаждаясь зрелищем. Я занял место рядом с ним, откуда мне был отлично виден её профиль.

— Ну, рассказывай всё, всё! — требовала мама, держа Сумаю за руку. — Как там училось вдали от дома? Тяжело было одной? Мальчишки не приставали?

Сумая рассмеялась, лёгкий румянец окрасил её щёки. Она выглядела... расслабленной. Совсем не той собранной, холодноватой специалисткой из офиса.

— Тётя, училось интересно. Сложно, конечно, но мне нравилось погружаться в новое. А что до мальчиков... — она игриво пожала плечами. — Были, кто пытался. Но я была слишком занята учебой и подработками.

— Ох, знаю я эти «подработки»! — фыркнула мама. — Значит, времени на личную жизнь совсем не оставалось?

— Тётя, ну что вы, — Сумая смущённо отпила из стакана. — Всеу своё время.

— И правильно! — Мага неожиданно вклинился, подмигнув Сумае. — Сначала карьеру построить, а потом уже кавалеров рассматривать. У нашей Сумо всё по плану!

Я сидел и слушал, чувствуя себя посторонним на этом празднике жизни, которого не разделял.

— А этот балабол беспокоился о тебе, — кивнула мама на Магу.

— Это правда? — Сумая повернулась к нему, и в её глазах промелькнуло искреннее удивление. — Я и не знала, что ты так переживал. А то звонил и даже ни разу не спросил как я себя чувствую.

— Ну, знаешь ли, — Мага неловко мотнул головой, отводя взгляд. — Не мог я себя такой мямлей показывать. И потом, я привык, что ты тут, в городе и никогда не нужно спрашивать как ты. Потом раз — и нету. Непривычно было, а задавать такие вопрос еще непривычнее.

Я не выдержал. Слово сорвалось само, прежде чем я успел его обдумать:

— Вы... часто общались?

Вопрос повис в воздухе. Сумая перевела на меня взгляд. Улыбка на её лице не исчезла, но стала чуть более сдержанной, как будто она только сейчас вспомнила о моём присутствии.

— Иногда, — ответила она просто. — Мага всегда находил время позвонить, хотя бы для того чтобы пожаловаться... Что он расстался с девушкой.

— Не ври!

— Мага, смотри правде в глаза! — пригрозила ему пальчиком она. — Не смей мне врать!

— Коза!

— А ты, сынок, вообще не интересовался, как Сумо там одна справляется? — мама посмотрела на меня с укором.

Я почувствовал, как под воротником рубашки становится жарко.

— Я... думал, у неё всё в порядке, — пробормотал я, отводя взгляд. Это была правда. Я не думал о ней вовсе. Сознательно вычеркнул.

— Ну конечно, — мама фыркнула. — У неё всегда всё «в порядке». Она же сильная. Но даже сильным иногда нужно знать, что о них помнят.

Сумая слегка потупилась, играя соломинкой в своём стакане.

— Со мной всё и правда было хорошо, тётя. Не переживайте.

Официант принёс заказ. Сумая автоматически потянулась за своей пиццей, но мама оставила её руку.

— Минуточку! Сначала салат, а потом уже всё остальное. И колу эту свою убери, лучше свежеевыжатый сок выпей. Витамины нужны.

— Тётя, я же не ребёнок, — запротестовала Сумая, но в её протесте не было силы. Она скорее смушалась.

— Для меня ты всегда будешь ребёнком, — мама сказала это твёрдо, но с такой бездной нежности в голосе, что у меня снова сжалось сердце. Она смотрела на Сумаю так, как никогда не смотрела на меня после её ухода. С материнской заботой и сожалением.

Я наблюдал, как Сумая покорно откладывает пиццу и начинает есть салат под бдительным взглядом мамы. Она ловила каждое её слово, кивала, улыбалась. Она была здесь не гением-инженером, не бывшей женой, а просто... девочкой. Девушкой, которой не хватало материнского тепла, и которая сейчас купалась в нём с такой жадностью, что это было почти больно видеть.

— Знаешь, Сумо, — вдруг сказала мама, понизив голос. — Я до сих пор храню тот шарф, который ты мне связала перед отъездом. Помнишь? С такими смешными косами.

Сумая замерла с вилок в руке. Её глаза вдруг блеснули влагой.

— Вы... сохранили? Но он же... он же был кривой. Я тогда только училась.

— Он был самый красивый, — твёрдо сказала мама, и её голос дрогнул. — Потому что ты его сделала для меня. Своими руками.

В кафе на секунду стало тихо. Сумая быстро моргнула, отгоняя навернувшиеся слёзы, и потянулась обнять маму.

— Спасибо, тётя. Просто... спасибо, что всегда были рядом тогда.

Я видел, как её плечи слегка вздрогнули. Видел, как Мага смотрит на них с мягкой, понимающей улыбкой. И снова чувствовал себя чудовищно чужим. Я был частью той системы, которая лишила её этого тепла. Я был тем, кто своим равнодушием подтвердил, что она в том доме — лишняя.

— Ладно, хватит сантиментов, — мама выпрямилась, смахнув влагу с ресниц. — А теперь расскажи мне самое интересное. Есть кто-нибудь? Серьёзно?

Сумая отстранилась, снова взяла стакан, и её щёки порозовели сильнее.

— Тё-тя! Нет, конечно нет. Где уж там. Работа, учёба...

— Врать нехорошо! — мама прищурилась. — Такая красавица, умница... Да я не верю, что вокруг тебя мухи не вьются. Может, хоть один достойный попался? Хоть намёк дай!

Сумая покачала головой, но в её глазах, мелькнула какая-то тень. Быстрая, как вспышка. Не боль, нет. Скорее... усталая грусть.

— Нет, тётя. Правда нет. Мне и одной хорошо. Свободна как птица, — она попыталась шутливо улыбнуться, но получилось не очень убедительно.

Я поймал этот взгляд. И вспомнил слова Маги: «Она однолюб». Кто бы он ни был, тот человек явно всё ещё занимал в её сердце место. Место, которое было закрыто для всех остальных. Включая меня. Внезапная, дикая, совершенно иррациональная ревность скрутила мне желудок.

— Ну ладно, ладно, не буду давить, — сдалась мама, но в её глазах читалось решительное «это не конец разговора». — Но если появится — сразу ко мне! Я должна его одобрить!

— Обязательно, — Сумая кивнула с облегчением.

Обед продолжался. Мама и Мага поддерживали лёгкую, весёлую беседу. Сумая периодически вставляла реплики, снова становилась той остроумной, живой девушкой, которую я видел минуту назад. Но теперь я уже не мог отделаться от мысли о том, что за её спокойной улыбкой скрывается целый мир чувств, к которым у меня нет ключа. Мир, в котором есть место для тёти Асуман, для друга Маги, для какого-то таинственного «однолюба»... и, кажется, больше ни для кого. Уж точно не для меня.

Когда мы уже собирались уходить, мама снова обняла Сумаю.

— Заходи, милая. Хоть на пять минут. Просто так. Не для отчётов. Для меня.

— Постараюсь, тётя, — прошептала Сумая, возвращая объятие.

По дороге обратно в офис она шла рядом с мамой, тихо о чём-то разговаривая. Мага болтал со мной, но я почти не слышал его. Я смотрел на её спину. На ту самую Сумаю, которую я, наконец, начал видеть. И понимал, что эта новая Сумая — умная, сильная, живая, любимая — была в тысячу раз болезненнее, чем старая — тихая, незаметная, «мышка». Потому что теперь я хотел быть частью этой ее жизни. А все места, кажется, были уже заняты. Я оказался за бортом. Вернее сам шагнул за этот борт.

Элли Лартер и Кай Лазарев

"После развода. С вещами на выход!" (16+)

<https://litnet.com/shrt/0bhy>

Я подозреваю своего мужа в измене с молоденькой девицей из отдела маркетинга.

Но мало этого - он еще и на бывшую жену заглядывается! На бывшую жену, в честь которой назвал... нашу дочь!

Я этого терпеть не стану.

Подам на развод - и буду счастлива.

А когда он приползет ко мне просить прощения - не прощу!

Глава 17

Следующий день...

В воздухе инженерного отдела висела напряжённая, почти осязаемая тишина, нарушаемая только стуком клавиатур и нашим с Магой приглушённым спором над сложной схемой. Мы упёрлись в тупик. Сумая сидела напротив, уткнувшись в планшет, её брови были сведены в тонкую, сосредоточенную складку. Она что-то быстро чертила на экране, полностью отрешённая от мира.

— Не сходится, — сквозь зубы проговорил я, откидываясь на спинку стула. — Если мы изменим конфигурацию здесь, рухнет расчёт по нагрузке на соседний узел.

— Значит, ищем ошибку в первоначальных данных, — не глядя, ответила Сумая. Её голос был ровным, но в нём слышалось напряжение. — Мага, дай мне доступ к архивным геодезическим отчётам по пятой площадке.

Мага что-то пробормотал, уже тянясь к своему ноутбуку, как вдруг...

Тишину разбил громкий, раскатистый и беззаботно весёлый голос, донёсшийся из коридора:

— Сума-я-я-я! Где же ты, наше солнышко? Вызываю на связь!

Голос был мужским, молодым, полным такой искренней радости, что она прозвучала диссонансом в нашей мрачной рабочей обстановке.

Сумая вздрогнула, подняла голову. И на её лице произошло мгновенное, почти волшебное преображение. Складка между бровей исчезла, глаза широко распахнулись, а губы растянулись в такую широкую, ослепительную улыбку, какой я у неё никогда не видел. Она вскочила со стула.

— Не может быть! — воскликнула она, и её голос зазвенел, как колокольчик.

Она быстрым, почти бегущим шагом бросилась к входу в отдел. Я замер, не в силах отвести взгляд.

В дверях стоял высокий, спортивного сложения парень лет тридцати. Светлые, чуть расчёпанные волосы, открытое лицо с лёгкой щетиной и сияющими зелеными глазами. Он был в поношенной, но дорогой кожанке и джинсах.

— Куколка! — воскликнул он, и прежде чем она что-то успела сказать, он широко расставил руки.

Сумая без тени сомнения бросилась в его объятия. Он подхватил её, легко, как перышко, и закружил на месте прямо посреди прохода, смеясь её счастливому, заразительному смеху.

— Ислам! Ты как здесь?! Ты же должен быть в Питере! — она кричала, обхватив его за шею.

— Сюрприз! — он поставил её на пол, но не отпустил, держа за плечи и разглядывая с восхищением. — Как же ты похорошела, наша инженерная принцесса! В костюмчике-то! Совсем бизнес-леди!

— Прекрати! — она отбилась, шлёпнув его по плечу, но продолжала сиять. — Что за внезапный визит? Говорил же что только на следующей недели только освободишься. Так быстро закрыл проект?

— Закрыл, сдал, получил премию и — прямым рейсом к тебе! — он огляделся, и его взгляд скользнул по нам с Магой, застывшим у стола. — О, а это, видимо, твои новые подопечные?

В этот момент из-за его спины появились ещё двое. Оба — мужчины, одетые с той же небрежной, но стильной практичностью. Один — постарше, с умными, спокойными глазами за очками, второй — помоложе, с хитрой ухмылкой.

— Привет, Сумо, — сказал тот, что постарше, с тёплой, отеческой улыбкой.

— Здравствуй, командир, — добавил второй, подмигнув.

Моё сердце, которое бешено колотилось при виде её в объятиях первого парня, слегка успокоилось. Хотя бы не обнимаются, — пронеслось в голове идиотское облегчение.

Сумая, всё ещё сияя, подошла к ним, но ограничилась тёплыми, дружескими рукопожатиями и лёгкими похлопываниями по плечу.

— Андрей! Замир! Вы тоже? Это что, заговор? — она смеялась.

— Ислам не мог удержаться, — улыбнулся Андрей (тот, что постарше). — Услышал, что у тебя тут «апокалипсис локального масштаба», как ты писала, и поднял нас на щит. Говорит, нашей Сумо без нас не справиться.

— Врет он всё! — Ислам обнял Сумаю за плечи снова, но уже по-дружески. — Мы просто соскучились по нашему мозговому центру. И решили проверить, не зазналась ли тут наша звёздочка без присмотра.

Я стоял и смотрел, как кровь отливает от лица. Она была с ними... другой. Совершенно другой. Раскованной, лёгкой, счастливой. Она смотрела на них с таким доверием и теплотой, от которых у меня сводило желудок. Они называли её «куколкой», «звёздочкой», «командиром». У них была своя история, свои шутки, своя вселенная.

И меня это не устраивало!

Мне не нравится, что она стоит сейчас рядом с этими парнями. Не нравится, как один из них касается её.

Регина Янтарная

"Развод. Я больше не ведусь" (18+)

<https://litnet.com/shrt/cmfs>

- Я не дам тебе развод, - говорит муж.
- Ты являешься домой под утро. Думаешь, я буду терпеть твои измены?
- Потерпишь. Она - дочь моего партнера. Связи очень важны для бизнеса.
- Порочные связи? Прекрати.
- Если ты подашь на развод, то лишишься не только дома и денег, но и дочери.
- Ты о чём, Стас? Это моя дочь...

Глава 18

Мага тихо присвистнул рядом.

— Ну что, босс, — прошептал он. — Похоже, подкрепление прибыло. И, судя по всему, личное.

Я не ответил. Стоял и не мог оторвать взгляда от её сияющего лица. От того, как её рука лежит на плече этого... Руслана. И от ослепительной, жгучей, совершенно новой и неуместной ревности, которая разрывала меня изнутри.

Ревность была острой. Словно яд проник под кожу и распространялся по всему телу. Я стоял, застыв, чувствуя, как ладони становятся липкими. Мага дернул меня за рукав, пытаюсь вернуться в реальность, но я лишь машинально стряхнул его пальцы.

— Вы даже не представляете, как я рада! — она говорила, и её глаза бегали от одного к другому, словно боясь упустить хоть миг. — Но вы же не просто так, с пустыми руками?

— С пустыми? — Ислам (это имя уже отдавалось в висках болезненным звоном) хитро прищурился. — Мы с полным багажом. И с мозгами, и с руками. Где твой фронт работ, командир? Показывай, что за аварию ты нам тут обещала.

— Не аварию, а вызов, — поправила его Сумая, но уже разворачивалась, жестом приглашая их к нашему рабочему столу, заваленному чертежами. — Идёмте, познакомлю с командой.

Она подошла к нам, и на её лице профессиональная маска легла поверх радости, но не до конца — уголки губ всё ещё подрагивали от улыбки.

— Камал, Магомед, это мои коллеги и друзья с прошлого проекта. Ислам, ведущий инженер по конструкциям, — она кивнула на того самого парня, который всё ещё смотрел на неё с обожанием. — Андрей, наш гуру по сметам и договорам. И Замир, гений логистики и снабжения. Ребята, это Камал Давидович, генеральный директор, и Магомед Ибрафимович, руководитель отдела логистики.

Ислам протянул мне руку. Его рукопожатие было крепким, уверенным, а взгляд — открытым и оценивающим.

— Очень приятно, Камал... Давидович. О вас много слышали. Всяческих успехов, — сказал он, и в его тоне не было ни подхалимства, ни высокомерия. Было уважение к должности, но не более. Хотя мне показалось, словно он хочет... врезать мне?

— Взаимно, — сухо ответил я, чувствуя, как мои слова звучат неестественно жёстко.

Андрей и Замир поздоровались сдержаннее, их взгляды были более профессиональными, менее личными. Но даже сквозь это я видел — они здесь ради неё. Точка.

— А ты тот самый Мага, — усмехнулся Ислам протянув другу руку.

— А ты тот самый Ислам, — хмыкнул Мага пожимая руку. — Рад личному знакомству. Сумо много рассказывала о вас всех.

— Не верю. Уверенно могу сказать, что она ни слова про нас не сказала с тех пор как приехала.

— Точно! — подтвердил Мага.

Я же стоял и думал как бы всех послать. Все черт бы их побрал знают друг о друге. Все! Но только не я! Я как какой-то придурок с иной планеты, который лишь стоит с краю и наблюдает. Меня чертовски бесит эта ситуация, а еще больше бесит то, что Сумая так близка с этими парнями!

— Ну что, Сумо, води экскурсию, — Ислам снова обнял её за плечи, и у меня внутри что-то ёкнуло. — Показывай, где тут у вас пожар, который мы должны тушить.

Она кивнула и, не освобождаясь от его руки (или не желая этого?), повела их к доске с нашими злосчастными схемами. Её голос снова стал чётким, деловым, но теперь в нём звучала энергия, уверенность, которых не было минуту назад. С ними она была в своей стихии вдвойне.

— ... вот основные болевые точки. Саботаж на уровне документации и закупок, — она щёлкала указкой по красным меткам. — Мы приостановили работы, но нужно не просто латать дыры, а перестраивать систему контроля с нуля. И делать это быстро.

Ислам свистнул, изучая схемы.

— Ну и хаос, куколка. Красиво, надо признать. Почти искусство. Кто это вытворял?

— Наш милый конкурент, — сквозь зубы проговорил Мага.

— Знакомо, — тихо сказал Андрей, снимая очки и протирая линзы. — Видел подобные схемы. Дорогое удовольствие для вас вышло бы, если бы вовремя не спохватились.

Я наблюдал, как они общаются. Ислам задавал вопросы, иногда перебивая, шутил, Замир моментально строчил что-то в планшете, Андрей вставлял точные, взвешенные ремарки. И Сумая в центре этого небольшого шторма — не подавленная, а расцветающая. Она парировала шутки, давала пояснения, её мысли текли быстро и ясно. С ними она не была одинокой спасительницей. Она была частью команды. — Ладно, хватит прелюдий, — хлопнул в ладони Ислам. — Мы здесь на неделю, максимум две. Давайте рабочий план. Сумо, ты главная. Раздавай задания.

Сумая кивнула и обернулась к нам с Магой. Её взгляд снова стал тем самым, рабочим, безличным.

— Камал, нам нужно будет срочно согласовать их доступ ко всем внутренним системам и базам данных. Без ограничений. Мага, поможешь Замиру с анализом текущих договоров поставок и поиском альтернатив. Я займусь с Исламом и Андреем техническим аудитом. К вечеру должна быть первая схема действий.

Она говорила, а я смотрел на Ислама, который стоял за её спиной и смотрел на неё не как на коллегу, а с неподдельным восхищением и... нежностью. Он ловил каждое её слово, кивал, и в его глазах читалось: «Молодец. Горжусь тобой».

— Камал? — её голос вернул меня. — Ты не против?

— Не против, — выдохнул я, понимая, что другого выхода нет. Они были нужны. Они были её людьми, которые знали это дело лучше меня. — Всё будет организовано.

— Отлично, — она коротко улыбнулась мне — дежурной, служебной улыбкой — и тут же повернулась к своей команде. — Тогда приступим. Ребята, проходите, тут есть свободные столы. Ислам, идём со мной, покажу архивы по проекту.

И она ушла с ним, оставив меня стоять посреди отдела с гудящей головой и ледяным комом в груди. Мага осторожно тронул меня за локоть.

— Камал, ты чего?

— Ничего. Всё в порядке, — буркнул я, отстраняясь. — Давай работать.

Но работать не получалось. Я сидел за своим столом, уставившись в монитор, а уши ловили каждый звук из их угла: смешки, быстрые вопросы, её спокойные ответы, его низкий, уверенный бас. Они работали быстро, слаженно, как хорошо отлаженный механизм. А я был лишним винтиком, который даже не знал, куда в этой новой машине вставляться.

В какой-то момент я поднял голову и увидел, как Ислам, что-то объясняя, наклонился к Сумая, почти касаясь щекой её виска, и что-то прошептал ей на ухо. Она рассмеялась, оттолкнула его плечом, но не отодвинулась. И в этом жесте — в этой лёгкости, в этом телесном контакте — была такая глубокая, давняя близость, что мне стало физически больно.

Я встал и вышел из отдела, под предлогом звонка. Мне нужно было на воздух. Но даже в пустом коридоре я слышал их смех. И понимал одну простую вещь: эти несколько дней, когда она была здесь, почти «моей» (как сотрудник, как проблема, как навязчивая идея), закончи-

лись. Теперь её внимание принадлежало другим людям. Особенно — Исламу с его зелеными глазами и привычкой кружить её в воздухе.

Следующие несколько часов стали для меня изощрённой пыткой. Я пытался работать, но всё моё внимание было приковано к тому уголку, где разместилась «команда Сумаи». Они работали с пугающей эффективностью, но делали это с такой лёгкостью, с такими шутками и подколами, что это больше напоминало дружескую вечеринку, чем спасение компании от краха.

Лада Зорина

"После развода. Ты все еще моя" (16+)

https://litnet.com/shrt/_Dys

Мой муж уничтожил наш брак — изменил и уехал в столицу. А я отказалась признаться ему, что ношу под сердцем ребёнка. Думала, наши пути разошлись навсегда. Но он вернулся, он узнал о ребёнке, и он в ярости.

Глава 19

Этот день я как-то пережил, стиснув зубы и убеждая себя, что завтра всё пойдёт иначе. Но следующий стал настоящей пыткой. Меня разрывало изнутри. Всё внимание Сумаи было приковано к Исламу. Они сидели рядом, переговаривались вполголоса, смеялись над шутками, понятными только им двоим. Нам с Магой доставались лишь короткие, деловые указания, брошенные на бегу, а потом она снова возвращалась в свой маленький мир, где главным был этот невозможный тип с зелеными глазами.

Мага, кажется, вообще не замечал напряжения. Он работал, уткнувшись в монитор, изредка перекидываясь парой фраз с Замиром. А я не мог сосредоточиться. Взгляд то и дело соскальзывал в их угол. И каждый раз я видел что-то, от чего внутри закипала глухая, бессильная ярость.

То Ислам опирался на спинку её кресла и, склонившись почти к самому уху, что-то шептал. То садился рядом — так близко, что их плечи соприкасались, — и с ехидной улыбкой произносил какую-то глупость, от которой Сумая легонько толкала его в плечо и смущённо отворачивалась, пряча улыбку.

Это было невыносимо. Физически больно.

Я решил подойти к их столу под предлогом согласования какого-то второстепенного документа. Нашёл первую попавшуюся бумагу и направился к ним, старательно выравнивая дыхание.

— Сумая, тут нужно твоё мнение по этому пункту, — сказал я, пытаюсь придать голосу максимум спокойствия.

Она оторвалась от ноутбука, взяла бумагу. Её лицо было сосредоточенным, но расслабленным — таким, каким я его почти не видел в нашей компании. В это время Ислам, сидевший с ней плечом к плечу, протянул через неё руку к её кружке с чаем.

— Эй, куколка, чай остывает. Допивай, а то я выпью, — он подмигнул ей, и его пальцы небрежно, но ощутимо коснулись её руки, когда он передвигал кружку.

— Не смей, — беззлобно пригрозила она, ткнув в него пальцем, но тут же послушно отхлебнула глоток, не отрывая взгляда от моего документа. — Камал, здесь всё верно. Можно подписывать.

— Ты уверена? — я настаивал, цепляясь за любой повод продлить этот короткий контакт. Взгляд метался между ней и этим... Исламом. — Может, стоит свериться с первоисточником? Я помню, по этому проекту были сложности с согласованиями.

Ислам фыркнул, даже не взглянув на меня. Он что-то быстро печатал на своём ноутбуке, но краем глаза явно следил за разговором.

— Сумо у нас ходячий первоисточник, Камал Давидович, — лениво процедил он. — Если она говорит «верно», можно хоть кровью подписывать. Я проверял. — Он вдруг резко обернулся к ней, полностью игнорируя моё присутствие: — Кстати, насчёт узла 4Б. Я нашёл косяк в первоначальных замерах, помнишь, мы спорили? Смотри сюда...

Он развернул к ней планшет, и они мгновенно погрузились в свой мир, тыкая пальцами в схемы, перебрасываясь короткими фразами, понятными только им. Я стоял с дурацкой бумагой в руках и чувствовал себя пустым местом. Меня просто не существовало.

Позже мы все собрались у большой доски для общего обсуждения. Сумая стояла в центре, чётко и ясно объясняя стратегию на ближайшие дни. Она была великолепна: собранная, уверенная, каждое слово — по делу. Ислам прислонился к стене рядом, скрестив руки на груди, и внимательно слушал, не сводя с неё глаз. В его взгляде читалось не просто уважение, а какое-то глубокое, давнее восхищение.

Когда Сумая сделала паузу, сверяясь с записями в планшете, он вдруг шагнул к ней и тихо сказал:

— У тебя на щеке чернила.

И, не спрашивая разрешения, протянул руку и большим пальцем стёр едва заметное пятнышко с её скулы. Жест был быстрым, привычным, до омерзения естественным.

— Опять? — она скривилась, но даже не отстранилась. Только машинально потёрла щёку тыльной стороной ладони. — Вечно я во что-то вляпываюсь, когда думаю.

— Знаю, — усмехнулся он. — Помнишь, как на том объекте в Твери ты весь день ходила с куском изоленты на лбу? И думала, что это такая стильная заколка?

Она рассмеялась — искренне, заливисто, запрокинув голову. Глаза её блестели.

— Лучше не напоминай! Ты же тогда фотографию сделал, гад! И всем разослал!

— И храню как зеницу ока, — он хитро прищурился. — На чёрный день, чтобы было чем тебя шантажировать.

Я стоял в двух шагах, сжимая маркер для доски с такой силой, что, казалось, он вот-вот треснет. У меня не было с ней ничего. Ни одного общего воспоминания. Ни смешного, ни грустного, ни просто... никакого. Всё, что осталось в памяти — та ночь после свадьбы, когда я вывалил на неё всё своё презрение к нашему браку. И день, когда она спокойно, с ледяным достоинством, объявила о разводе перед всеми и ушла. Тогда я впервые увидел в ней силу, но из-за дурацкой эйфории от «освобождения» выкинул это из головы. Меня тогда занимала Венера. Имя, которое теперь вызывало лишь глухое раздражение и стыд.

Обед заказали в офис. Когда принесли еду, Ислам, даже не глядя, взял с подноса две порции салата «Цезарь» и одну бесцеремонно поставил перед Сумаяей.

— На, ешь. А то опять забудешь.

— Я не забываю! — возмутилась она, но руки уже привычно разворачивали салатницу.

— Ага, как же. В прошлый раз на сухарях и энергетиках трое суток просидела, пока я не приехал и не накормил нормально, — он повернулся ко мне, и в его взгляде мелькнуло что-то вроде снисходительной жалости. — Она у нас, Камал Давидович, гений, но в быту совершенно беспомощна. Без присмотра пропадёт.

— Я не беспомощная! — Сумая запустила в него скомканной салфеткой, но сказала это со смехом. — Просто есть дела поважнее, чем думать о еде.

— Важнее заботы о себе? — Ислам покачал головой с преувеличенной строгостью. — Непорядок. Договор помнишь? Я официально отвечаю за твоё физическое состояние на проекте.

— Какой ещё договор? — не удержался я, и вопрос вырвался резче, чем следовало.

Сумая и Ислам переглянулись с каким-то своим, внутренним весельем. Он ухмыльнулся.

— Старая шутка. Мы когда-то поспорили на объекте. Она проиграла — и обязалась слушаться меня в вопросах еды и сна на время совместных проектов. Договор, — он сделал в воздухе кавычки, — до сих пор в силе. Правда, Сумо?

— Только в твоём воспалённом воображении, — фыркнула она, но в голосе не было отрицания. Только привычная, тёплая перепалка.

Андрей, сидевший рядом с ноутбуком, тихо усмехнулся, не поднимая головы.

— Не спорь с ним, Сумая. Он тебя всё равно переупрямит. У него на этот счёт отдельная статья в личном регламенте прописана: «Забота о руководителе проекта и контроль режима».

Все засмеялись. Все, кроме меня. У меня в груди что-то острое и холодное сжималось в тугой, болезненный узел. Они были семьёй. А я — чужим, который подглядывал в замочную скважину.

К вечеру Сумая выглядела уставшей, но довольной — той глубокой, рабочей усталостью, когда знаешь, что день прошёл не зря. Я хотел подойти, предложить подвезти, просто побыть рядом хоть пять минут. Но Ислам опередил меня буквально на пару секунд.

Он подошёл к ней сзади, пока она что-то сосредоточенно печатала, и мягко положил руки ей на плечи.

— Всё, хватит на сегодня, куколка. Глаза слипаются.

— Сейчас, ещё минутку, — пробормотала она, не отрываясь от экрана, но он уже начал делать лёгкий, умелый массаж её плеч и шеи.

— Никаких «минуточек». Договор, забыла? — он наклонился и сказал это почти ей в ухо, тихо, но я стоял достаточно близко, чтобы расслышать каждое слово. — Иначе завтра без кофе останешься. Буду поить только ромашковым чаем.

Она застонала, но тело её расслабилось под его руками, веки опустились.

— Ты невыносим. Просто невыносим.

— Зато эффективен, — парировал он, не прекращая массаж. — Завтра с утра — свежая как огурчик.

Я не выдержал. Шагнул к ним и постучал костяшками пальцев по столу громче, чем следовало.

— Если вы закончили... миловаться, собирайтесь и по домам. На сегодня действительно хватит. Вы и так работаете больше положенного. — Я перевёл взгляд на неё, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, участливо. — Сумая, подвезти тебя? Мне по пути.

Внутри всё замерло в ожидании. Я так надеялся на положительный ответ. Мне нужно было хоть немного её внимания, даже если мы просто проедем в тишине.

Она подняла на меня усталые глаза и покачала головой.

— Не надо, спасибо. Я на такси доеду, так проще. Ис, вы с ребятами тоже отдыхайте. Только поужинать не забудьте нормально, а не бутербродами.

— Может, вместе? — Ислам поиграл бровями, но в его глазах читалась лёгкая, понимающая улыбка. Он не настаивал.

— Вместе поужинаем, но позже. Сегодня хочу домой и в душ. Папа уже в курсе твоего приезда, так что, возможно, скоро пригласит на ужин к ним.

— К ним? — переспросил я, не сразу поняв. — Ты разве не...

Она уже собирала вещи, закидывая планшет в сумку.

— Ага. Ладно, всем пока, ребята! — она помахала нам, коротко улыбнулась и вышла из отдела, стуча каблуками.

Я задумчиво смотрел ей вслед. «К ним». Значит, она не живёт с отцом. Где же тогда? С кем?

— Камал Давидович, — голос Ислама прозвучал за спиной, и я вздрогнул от неожиданности. Когда он подошёл так близко? — Можно вас на пару слов?

Я обернулся. Он смотрел на меня уже не с той лёгкой насмешкой, что при Сумае. Взгляд его был спокойным, изучающим, и от этого спокойствия мне стало не по себе.

— Слушаю.

Он помолчал секунду, будто решая, стоит ли говорить.

— Вы настолько заняты собой и своими делами, что даже не удосужились узнать, где и как живёт ваша бывшая жена? — его голос был тихим, без вызова, но слова врезались, как пощёчина.

— Ты в курсе наших... отношений? — усмехнулся я, пытаюсь скрыть замешательство за бравадой.

— Отношений? — он фыркнул. Насмешка в его глазах стала откровенной. — Ты серьёзно думаешь, что у вас были отношения?

— А ты так уверен, что их не было? — я сделал шаг к нему, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. Меня бесила его самоуверенность. Бесило то, что он прав. У нас с Сумай не было ничего. НИ-ЧЕ-ГО. Я сам отказался от этого, даже не попробовав.

Ислам приблизился, наклонился к моему уху и прошептал так тихо, что слышал только я:

— Камал, меня можешь обманывать сколько угодно. Мне, честно говоря, плевать на твои игры. Но себя обманывать бесполезно. Я прекрасно знаю, какими были ваши отношения в прошлом. И вижу, какие они сейчас. — Он отстранился и встретился со мной взглядом. — Будь добр, прекрати эти жалкие попытки привлечь её внимание. Свой шанс ты упустил. Три года назад. Окончательно.

— Упустил? — я хмыкнул, хотя внутри всё кипело. — Посмотрим.

Я развернулся и, не дожидаясь ответа, быстрым шагом направился к выходу. Его слова жгли спину, как клеймо. Он прав, я упустил тогда. Но сейчас? Сейчас всё иначе. Буду рядом постоянно, мозолить глаза, ловить каждый её взгляд. Пусть привыкает. Пусть замечает.

Нионилла Ржевская

"После развода. Забыть и жить дальше" (16+)

<https://litnet.com/shrt/mbps>

Муж нашёл себе любовницу, которая вдвое младше него.

Сын восхитился поступком отца и сказал, что таким мужем я должна вообще гордиться.

Дочка решила держаться от всего подальше и не вмешиваться в разборки родителей.

Я в полной мере ощутила, что значит быть одной на этом свете, когда вокруг тебя полно людей.

И что же мне делать дальше?

Глава 20

Через минуту меня догнал Мага. Шёл молча, но я кожей чувствовал его тяжёлый, вопро- сительный взгляд.

— Спрашивай уже, — буркнул я, не оборачиваясь.

— Слушай, — он поравнялся со мной и заглянул в лицо. — Что это сейчас было? О чём вы там с этим... Исламом?

— Неважно.

— Кам, я не идиот, — его голос стал жёстче. — Я отлично вижу твои взгляды. Вижу, как ты бесишься, когда они вместе. Но знаешь что? Ты поздновато очнулся, друг. Она была твоей женой. Твоей! А ты, как последний придурок, променял её на эту... на Венеру.

— Я же просил не упоминать это имя! — рявкнул я, останавливаясь.

— Да плевать я хотел на твои просьбы! — Мага тоже остановился и развернул меня к себе. — Вечно ты ведёшь себя как эгоистичный ребёнок! До тебя доходит только тогда, когда уже поздно. Тебе потребовалось пять лет, чтобы разглядеть собственную жену! ПЯТЬ ЛЕТ, Камал! Сам от неё отказался, сам радовался, когда она ушла, а теперь, когда она единственная, кто вытаскивает нашу компанию из дерьма, ты начинаешь эти свои... телячьи нежности!

Я молчал, чувствуя, как каждое его слово вбивает гвоздь в крышку моего собственного гроба.

— Если твой отец узнает, что творится у тебя в голове, он тебя приберёт, — уже тише добавил Мага.

— Он бы обрадовался, — усмехнулся я горько.

— Не обрадовался бы! — отрезал Мага. — Он считает Сумаю дочерью. И то, как вы расстались, его до сих пор задевает. В первую очередь он думает о ней. О том, что ей пришлось пережить из-за развода. Ты хоть знаешь, какие слухи ходили?

Я замер.

— Какие ещё слухи?

Мага тяжело вздохнул, провёл рукой по лицу.

— Когда вы развелись, все решили, что это ты её бросил. Что она бесплодна, не смогла родить тебе ребёнка, и ты вышвырнул её на улицу. Она пострадавшая сторона, Кам. Ты уехал, спокойно вернулся к своей Венере, а она осталась здесь. Твои родители ходили и затыкали всем рты, говорили, что её вины ни в чём нет, но люди же видят только то, что хотят видеть.

— Но она и не виновата ни в чём! — вырвалось у меня. — Это я был...

— А ты хоть раз публично это сказал? — перебил Мага. — Хоть раз встал и заявил, что развод — твоя инициатива, что она тут ни при чём? Нет! Ты молча уехал и обрадовался свободе. Забыл, что для наших женщин развод — это клеймо позора? На всю жизнь!

Он положил руку мне на плечо и сжал.

— Кам, я не могу запретить тебе что-то чувствовать. Но ради бога, подумай, прежде чем лезть к ней со своим запоздалым интересом. Ты не замечаешь, а она каждый день слышит шёпот за спиной. «Вон та, которую муж бросил», «бесплодная», «не смогла удержать». Она терпит это молча, потому что работает здесь, спасает компанию. Для неё это не просто работа — это возможность доказать, что она чего-то стоит, несмотря на все эти грязные сплетни. А ты со своими... «подвезу» и «как дела» только усложняешь ей жизнь.

Мага ушёл, а я остался стоять в пустом коридоре, оглушённый, раздавленный.

Слова друга открыли мне глаза на то, о чём я никогда даже не задумывался. Я ни разу не спросил себя, что чувствовала она. Ни разу не подумал, что развод для женщины в нашем обществе — это не просто свобода, а позор, который преследует годами. Я был так занят собой,

своим освобождением, своей дурацкой Венерой, что забыл о самом главном — о человеке, которого сделал несчастным.

Я самый настоящий идиот. Хуже. Я чудовище, которое даже не заметило, как ранило другого.

В груди жгло. Жгло стыдом, злостью на себя и тем новым, опасным чувством, которое, несмотря ни на что, не желало угасать. Но теперь к этому примешивалось другое, ещё более острое — желание защитить. Оградить от всех этих грязных шепотков. Доказать, что она не заслужила ни единого косого взгляда.

Я не знал, как это сделать. Не знал, имею ли я на это право. Но знал одно: просто смотреть и молчать, как раньше, я больше не буду. И чтобы доказать это надо сначала разобраться со всеми этими слухами. Нельзя, чтобы Сумаю винила во всем, когда полностью вся вина лежит на мне. Вот только... как? Каким способом мне это сделать?

Моя

"Предатель. Возвращение блудного отца"

<https://litnet.com/shrt/r69x>

Девять лет назад он сказал: «Твой отец прав. Ты — сентиментальная дура. Выходи за Расима и забудь меня». Его слова стали моим проклятием и моим топливом.

А теперь он здесь. Стоит передо мной, дыша тем же воздухом, что и мой ребёнок.

— Это мой сын. Я это знаю.

— Твой? — Улыбаюсь, но внутри лишь холод. — Твой сын остался бы в той дешёвой съёмной квартире, о которой ты говорил с таким отвращением. Мать твоего сына мыла бы полы в «продуктовом», как ты и предсказывал. У тебя нет сына. Ты отказался от него, даже не зная о нём. «Детские фантазии» — помнишь?

— Я не ожидал таких последствий!

— Мне плевать, — насколько можно холодно говорю ему. — Ты опоздал. На девять лет. Ты вернулся не за «своим». Ты пришёл отобрать моё. Но ты не получишь ничего.

Он думает, что перед ним та же сентиментальная дура. Не понимает, что стоит перед стеной. Я не позволю ему разрушить тот мир, который создала ценой всего.

Глава 21

Сумая

Бросив сумку на диван, устало села. Голова болит. Тело болит. Все-все болит. Но надо работать. Чем быстрее все сделаю, тем быстрее освобожусь и уйду из компании. Уйду подальше от Камала. Иногда начинаю жалеть, что вообще решила вернуться. Жалею, что послушалась тетю.

Чем больше вижу его, говорю с ним, тем сильнее тянет к нему. Но я также знаю, что это невозможно. Для Камала я лишь обуза и неприятность из прошлого, что сейчас маячит перед глазами. Он явно не хотел, чтобы именно я была тем кто помог бы им со спасением компании, но у него нет выбора. Его вечно недовольный взгляд, что преследует меня целыми днями дает мне все понять.

Исламу кажется будто тот ревнует, но на самом же деле, Камал просто злиться из-за моего присутствия. И эти его предложения подвезти и все остальное уверена дело рук

его отца. Дядя наверное попросил его быть вежливым и не показывать мне свое недовольство.

Я вечно доставляю ему неудобства. С самого детства хожу за ним хвостиком, а он только закатывал глаза и уходил. Я для него всегда была лишь мышкой, которую не хочется замечать. Но я всегда присутствовала в его жизни как тень. Был рада делать за него домашнюю работу. Передавала через Магу разные сладости. В ответ же ничего.

Когда нас поженили я так надеялась что хотя бы в браке он меня заметит, но ошиблась. Я никогда не была ему интересна. Никогда не была нужна. И никогда не буду... У меня никогда не было шанса и никогда не будет. Потому не надеемся и не позволяем себе даже думать об этом.

Камал для меня недостижим. И всегда будет так.

После ужина сидела в съёмной квартире, обхватив колени руками и уставившись в одну точку на стене. Перед глазами всё ещё стоял Камал с его дурацким выражением «Давай я отвезу тебя домой». Чёрт бы его побрал!

— Ну и зачем ты себе голову морочишь? — раздался насмешливый голос из коридора.

Я вздрогнула и обернулась. Ислам стоял в проёме, прислонившись плечом к косяку, и жевал яблоко. В своей привычной манере — как будто весь мир — его личная сцена.

— Ты как сюда попал? — нахмурилась я.

— Ключи ты мне дала, забыла? На всякий случай, — он хрустнул яблоком и вошёл, плюхаясь на диван рядом. — И не надо на меня смотреть как на врага народа. Я волновался. Ты ушла с работы с таким лицом, будто на войну собралась.

— Всё нормально, — буркнула я, отворачиваясь к окну.

— Ага, расскажи это кому-нибудь другому. — Он доел яблоко, ловко отправил огрызок в мусорку и повернулся ко мне. — Опять о своем ненаглядном думаешь?

— Ислам, — устало вздохнула я, — не начинай.

— А чего не начинать? Я же вижу, как он на тебя смотрит. Как голодный пёс на кость. Только вот кость эта уже не его, и вообще она ему не принадлежала никогда.

Я молчала. Слова двоюродного брата, как всегда, попадали в цель, но слушать их было больно.

— Сумо, — он вдруг стал серьёзным, подвинулся ближе и взял меня за руку. — Ты что, правда думаешь, что он изменился? Что он вдруг прозрел и понял, какая ты на самом деле?

— Я ничего не думаю, — тихо ответила я. — Я просто хочу закончить эту работу и уйти. Спокойно. Без драм.

— А он тебе не даст. — Ислам покачал головой. — Я таких типов знаю. Он сейчас включит режим «добиваюсь любой ценой». И будет ходить вокруг тебя кругами, делать жалостливые глаза, пытаться завоевать.

— Пусть пытается, — усмехнулась я. — Мне не впервой отбиваться от назойливых мужиков.

— От назойливых — да. А от бывшего мужа, который вдруг осознал, какую дурость совершил? Которого ты любишь? Это другой уровень, Сумо. — Он сжал мою руку. — Только не вздумай поддаваться. Ты столько лет строила себя заново. Ради чего? Чтобы он сейчас пришёл и всё разрушил?

Я посмотрела на него. В его глазах была такая искренняя тревога, что у меня защипало в носу.

— Не переживай, — я улыбнулась, погладив его по руке. — Я слишком хорошо помню, что такое быть с ним. Помню его взгляд, когда он сказал мне, что я для него — пустое место. Помню, как он приезжал на праздники и смотрел сквозь меня. Помню его голос, когда он говорил по телефону с Венерой. Я ничего не забыла, Ис.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто его слова тебя задели? — тихо спросил он.

Я отвела взгляд. Потому что они задели. Потому что, вопреки всему, во мне ещё жила та маленькая девочка, которая мечтала, что однажды он посмотрит на неё по-настоящему. И теперь, когда это случилось... это было слишком поздно. И слишком больно.

— Потому что я человек, — наконец сказала я. — Но это не значит, что я поведусь.

Ислам вздохнул, притянул меня к себе и обнял. По-родному, крепко, как в детстве, когда мы прятались от взрослых на чердаке бабушкиного дома.

— Знаешь, что мне больше всего нравится в тебе, куколка? — спросил он в мои волосы.

— Что?

— Ты всегда знаешь, чего хочешь. И всегда идёшь до конца. Этот придурок даже не представляет, от чего отказался пять лет назад. Но я рад, что отказался. Потому что иначе ты не стала бы той, кто ты есть сейчас. И не была бы здесь, со мной.

Я рассмеялась сквозь слёзы.

— Ты ужасный собственник, знаешь?

— Знаю, — он чмокнул меня в макушку. — Но я твой брат. Мне можно.

Мы сидели так какое-то время, молча. В тишине было спокойно. С ним всегда было спокойно. Он был тем, кто научил меня смеяться, когда хотелось плакать. И тем, кто три года назад встретил меня в аэропорту и с того дня не оставлял меня ни на секунду, потому что «не мог оставить сестру одну».

— Ислам, — вдруг сказала я. — А почему ты не хочешь, чтобы он знал, что мы родственники?

Он помолчал, потом ответил:

— Потому что тогда он начнёт относиться ко мне иначе. Будет видеть во мне не просто «друга», а твоего брата. И, возможно, попытается использовать это, чтобы подобраться к тебе ближе. А мне нужно видеть его настоящего. Нужно знать, на что он способен, когда никто не смотрит. — Он отстранился и заглянул мне в глаза. — Я хочу убедиться, что он достоин даже дышать с тобой одним воздухом. А если нет — я сам вышвырну его из твоей жизни. Навсегда.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри разливается тепло. У меня есть брат. Настоящий. Который всегда будет на моей стороне.

— Ты невозможный, — прошептала я.

— Знаю, — он улыбнулся своей фирменной, хулиганской улыбкой. — А теперь давай ложись спать. Завтра тяжёлый день. И да, этот твой Камал опять будет ходить вокруг тебя кругами. Держись.

— Держусь, — кивнула я.

Он ушёл, а я осталась сидеть у окна, глядя на огни ночного города. Мысли о Камале не отпускали. Его глаза, его голос, его отчаянные попытки привлечь моё внимание. Это было странно. Непривычно. Опасно.

«Не вздумай поддаваться», — эхом звучал голос Ислама

Я и не собиралась. Правда.

Но почему тогда сердце так глупо ёкает, когда я вспоминаю, как он сегодня смотрел на меня? Почему внутри что-то отзывается на его «давай я отвезу»?

— Потому что ты дура, Сумая, — сказала я вслух своему отражению в тёмном стекле.
— Самая настоящая дура.

Но дура, которая слишком хорошо помнит цену своей свободы. И которая не отдаст её никому. Даже тому, кто когда-то был её мужем.

Глава 22

Пришла в офис пораньше, надеясь выкроить пару часов тишины, пока не нагрет командой со своими бесконечными шутками, громкими обсуждениями и ритуальным кофе-пением. В такие утренние минуты я могла спокойно систематизировать мысли, разобрать накопившиеся вопросы и просто побыть наедине с собой. Но, как оказалось, не судьба.

Не успела я включить ноутбук и поднести пальцы к клавиатуре, как дверь отдела приоткрылась. Вошёл Камал. С двумя стаканами кофе в руках.

— Доброе утро, — сказал он, ставя один стакан на край моего стола с такой осторожностью, будто это была хрустальная ваза. — Ты же пьёшь американо без сахара?

Подняла на него взгляд. Он стоял передо мной, как провинившийся школьник, которого вызвали к доске, но вместо шпательки он принёс букет. На губах — извиняющаяся, неуверенная улыбка. Рубашка с закатанными рукавами открывала запястья. Выглядел он... хорошо. Чёрт бы его побрал, выглядел он слишком хорошо для человека, которого я поклялась вычеркнуть из сердца.

— Камал, — сказала я ровно, стараясь, чтобы голос звучал как можно холоднее. — Спасибо, но я уже пила кофе дома.

— Это второй, — не сдавался он, и в его глазах мелькнуло что-то упрямое, почти детское. — Все нормальные люди пьют по два. Научный факт.

— Я не все нормальные люди, — парировала я, возвращая взгляд к экрану. Внутри всё кипело, но я не позволяла себе расслабиться ни на секунду.

Он вздохнул. Тяжело, почти обречённо. Но кофе не убрал. Просто стоял и смотрел на меня, будто ждал, что я передумаю. Я выдержала паузу, давая ему понять, что пауза затягивается, и вернулась к работе.

— Что-то ещё по работе? — спросила я, не поднимая глаз.

— По работе? — переспросил он так, словно я спросила о чём-то неприличном. — Ну... да. Успеваем по графику, который ты задала?

— Всё в графике, — сухо ответила я. — К обеду отчёт будет у тебя на столе. В электронном виде и на бумаге, если потребуется.

— Хорошо. — Он помялся, переминаясь с ноги на ногу. — Сумая...

— Камал, — перебила я, по-прежнему не поднимая глаз, но голос стал чуть жёстче. — У нас правда много работы. И твои утренние кофе с разговорами отнимают время. Моё и твоё. Так что если вопросов больше нет...

Я специально говорила холодно. Жёстко. Так, как учила себя все эти годы. Как учила выживать в мире, где от меня ничего не ждали, но требовали всё. Он должен понять: между нами ничего не может быть. Ничего. Я не хотела давать надежду в первую очередь себе. Себе — той маленькой девочке, которая до сих пор где-то в глубине души ждала, что он посмотрит на неё по-настоящему.

— Понял, — тихо сказал он и, развернувшись, медленно пошёл к кабинету.

Я выдохнула. И только когда дверь за ним закрылась, позволила себе посмотреть на оставленный стакан. Американо без сахара. Он запомнил. Чёрт возьми, он запомнил, что я пью именно такой кофе. За все два года брака он ни разу не предложил мне даже воды, а тут — запомнил.

— Упрямый баран, — прошептала я, но рука, словно предательница, сама потянулась к стакану.

Кофе был горячим. Значит, он специально пришёл пораньше, чтобы застать меня до прихода команды. Эта мысль кольнула где-то под сердцем, но я отогнала её, сделав глоток.

Через час в отдел ворвался Ислам. С порога оценил обстановку профессиональным взглядом снайпера, заметил второй стакан на моём столе и оглушительно присвистнул.

— Ого-го! У нас тут утренний роман? — он подошёл и театрально принялся. — Кто этот тайный поклонник, который знает твой кофейный вкус до такой степени? Неужели наш дорогой гендир расщедрился на знак внимания?

— Ислам, не начинай, — устало попросила я, уже предчувствуя, что сейчас начнётся.

— А чего не начинать? — он плюхнулся на стул рядом и бесцеремонно пододвинул стакан к себе, понюхал. — Американо без сахара. Святая вода для нашей принцессы. Точно он. Ну надо же, какой заботливый! Прямо мужчина мечты! Возьму?

Я выхватила стакан обратно, чуть не пролив содержимое.

— Руки убрал. Это моё.

— Ого! — он театрально поднял брови, разыгрывая шок. — Защищаешь подношение бывшего? Сумая, я в шоке! В культурном, разумеется, шоке!

— Ислам, заткнись, — беззлобно огрызнулась я, но в голосе предательски проскользнули смешливые нотки. — Просто кофе. И больше ничего.

— Ага, конечно, — он покачал головой с видом умудрённого опытом старца. — Просто кофе, который он тебе лично принёс, зная, что ты пьёшь именно такой. И который ты, заметь, не выкинула в мусорку, как поступила бы любая уважающая себя женщина с принципами. И пьёшь. И делаешь это та-а-а-к медленно, смакуя. Я могу определить это по тому, что кофе уже остыл. Сестрёнка, сестрёнка, ты вообще слышишь себя?

Я замерла с кружкой у губ. Он был прав. Чёрт, он всегда был прав, этот невыносимый, слишком наблюдательный брат.

— Я просто не люблю выбрасывать еду и напитки, — нашлась я, но прозвучало это жалко даже для меня. — Это расточительство. И я не сильно хотела кофе с утра, а сейчас в горле немного пересохло. Просто совпадение.

— Ага, расскажи это кому-нибудь другому, — усмехнулся он, но в его глазах мелькнуло что-то тёплое, понимающее. — Ладно, не буду тебя мучить. Сегодня я добрый. Лучше скажи, этот придурок сильно доставал тебя с утра?

— Доставал? — я задумалась, вспоминая утреннюю сцену. — Не то чтобы... Возможно, он хотел что-то сказать, но я не позволила. И кажется, была с ним немного груба. Ладно, признаю, была груба.

— Ой, ещё и переживаешь из-за этого, — Ислам закатил глаза так выразительно, что я почти услышала этот звук. — Правильно сделала! Другая на твоём месте послала бы его куда подальше с его запоздалой заботой. И поверь, грубых слов там было бы куда больше. С использованием ненормативной лексики и, возможно, активной жестикуляции.

— Ой, свали уже, — я легонько толкнула его в плечо и попыталась вернуться к работе, пряча улыбку.

— Ну да, ну да, — он картинно вздохнул, прикладывая руку к сердцу. — Теперь вокруг тебя кружится любовь всей твоей жизни, а я, такой хороший, милый, красивый, умный мальчик, больше не нужен. Вычеркнут из списка важных людей. Забыт, как прошлогодний снег.

— Кому и кто не нужен? — раздался от двери весёлый голос Маги.

Я мысленно застонала. Отличная компания собралась.

— Сумо говорит, что я ей больше не нужен, — Ислам изобразил на лице такую скорбь, что позавидовал бы профессиональный актёр. — Любовь всей её жизни теперь рядом, глазки строит, а я побоку стал. Предан и забыт.

— Аж прям бесишь, — проворчала я, закатывая глаза точь-в-точь как он минуту назад.

— Любовь? — Мага мгновенно заинтересовался, подлетая к нам и вглядываясь в моё лицо с профессиональным любопытством репортёра. — И кто он? Ну же, Сумо, скажи хоть сейчас, кто этот счастливчик? Я же сгораю от любопытства!

— Так ты не в курсе-е-е? — протянул Ислам, и его лицо расплылось в довольной ухмылке. — Сумая только мне рассказала о своей первой любви. Как прия-я-ятно быть первым, кому доверяют сокровенные тайны!

— Исо! — я схватила со стола ластик и запустила ему прямо в лоб. Попала, конечно. Я никогда не промахивалась, когда дело касалось его наглой физиономии. — Заткнись! За работу быстро взялся! И где твои друзья, между прочим?

— На объекте, — он потёр ушибленное место, но улыбка не сходила с его лица. — Зануда! Ладно, ладно, работаю.

Я покачала головой, но внутри разливалось тепло. С ним невозможно было злиться долго. Решив, что на сегодня доза семейного счастья получена, я собралась пойти налить воды из кулера. Встала, сделала шаг — и замерла.

На противоположной стороне отдела, у входа в свой кабинет, стоял Камал. И вид у него был... недовольный. Очень недовольный. Хмурый взгляд был устремлён прямо в нашу сторону, вернее, в сторону Ислама, который всё ещё потирал лоб и ухмылялся. Что-то успело произойти? Какая-то новая проблема с проектом?

— Друг, — донеслось до меня тихое бормотание Маги, адресованное, видимо, Камалу. — Не смотри таким жутким взглядом, аж мурашки по всему телу. Бр-р-р.

Жуткий взгляд? Я присмотрелась к Камалу внимательнее. Ну, хмурый, ну, смотрит. Но не на меня, а на Ислама. И тут до меня дошло. Он ревнует? Этот взрослый, серьёзный мужчина, генеральный директор, стоит и ревнует меня к моему же брату?

Я подавила улыбку. Вовремя. Потому что Камал, поймав мой взгляд, вдруг... улыбнулся. Немного скованно, напряжённо, но это была улыбка. Он кивнул мне, будто извиняясь за свою мрачность, и скрылся в кабинете.

— Ладно, чёрт с ними, — пробормотала я, направляясь к кулеру.

Но в душе что-то ёкнуло. Этот его взгляд, эта ревность, которую он даже не пытался скрыть, эта улыбка напоследок... Опасная игра. Очень опасная. И если я не буду осторожна, могу проиграть в ней главное — себя.

Промокоды в подарок на книгу "Бывшие. Бой за семью" - AdUKSa7- и Wbzc21yK

<https://litnet.com/shrt/BJGm>

— Как ты посмела скрыть от меня сына? — его голос гремит, словно раскат грома, заставляя содрогнуться всё вокруг. Он нависает надо мной, словно тёмная грозовая туча, его фигура заполняет собой всё пространство, подавляя одним своим присутствием.

Я отступаю на шаг, чувствуя, как земля уходит из-под ног, а сердце колотится где-то в горле. Его глаза полны гнева и неприкрытого обвинения. Десять лет я хранила эту тайну, растила нашего сына одна, и вот теперь он здесь, требует ответов, словно имеет на это право.

— Ты не имела права решать за меня! — его голос дрожит от ярости, кулаки сжаты до белизны костяшек. — Все эти годы... ты скрывала от меня моего сына!

Каждое его слово — словно удар кнутом по обнажённым нервам. Я сжимаюсь от боли, но не отступаю.

— Ты не заслуживаешь знать о нём, — отвечаю я, и хотя голос дрожит, в нём звучит твёрдость десяти лет борьбы. — После того, как ты ушёл на следующий же день после нашей свадьбы... после того, как отказался не только от меня, но и от нашего будущего...

— Замолчи! — его рык разрывает тишину, эхом отражаясь от стен. — Я имел право знать о своём сыне!

В его словах есть доля правды, но простить предательство за один миг невозможно. Десять лет одиночества, бессонных ночей и слёз — слишком высокая цена за право быть матерью-одиночкой. И теперь он появляется, как ни в чём не бывало, желая вломиться в нашу налаженную жизнь?

Глава 23

Камал

Я сидел в своём кабинете и смотрел на пустой монитор, не видя ни одной цифры. Перед глазами стояла она. Её холодный взгляд, её ровный голос, которым она отшила меня, как нашкодившего щенка. «Я уже пила кофе дома». «Я не все нормальные люди». «Твои утренние кофе с разговорами отнимают время».

Каждое слово было как пощёчина. И я их заслужил.

Но самое поганое — я всё равно стоял как истукан и смотрел, как её рука тянется к тому стакану, который я принёс. Она сказала, что не хочет, но не выбросила. Она сделала глоток. Маленькая, жалкая победа, за которую я цеплялся, как утопающий за соломинку. И это было унижительно — осознавать, что меня греет даже такая мелочь.

Через час в отдел ворвался этот... Ислам. Я слышал их смех сквозь стеклянную стену. Видел, как он садится рядом с ней, как она швыряет в него ластик, как улыбается. Ему она улыбалась. Легко, свободно, без той ледяной маски, которую надевала при мне. Без той защиты, которую выстроила вокруг себя за эти годы.

— Любовь всей её жизни теперь рядом, — донеслось до меня сквозь открытую дверь.

Я замер. Любовь всей её жизни?

— Сумая только мне рассказала о своей первой любви.

Кровь застыла в жилах. Первая любовь. Тот самый, о котором говорил Мага? Ислам знает о нём. Ислам знает, кого она любила всё это время. А я — нет. Я, её муж, пусть и бывший, даже этого не знаю.

Мага, проходя мимо, бросил:

— Друг, не смотри таким жутким взглядом, аж мурашки по всему телу. Бр-р-р.

Я перевёл взгляд на него. Потом снова на них. Она встала, пошла к кулеру. На секунду наши глаза встретились. Заставил себя улыбнуться. Натянута, скованно, но улыбнуться. Она лишь мельком глянула и отвернулась. Будто меня и не было.

Закрылся в кабинете и уставился в одну точку.

«Первая любовь».

Кто он? Кто этот человек, который владел её сердцем все эти годы? Она была моей женой, носила мою фамилию, но любила другого. Чёрт! Эта мысль выводила меня из себя, разъедала изнутри, как кислота.

Достал телефон и набрал Магу.

— Зайди.

Через минуту друг стоял на пороге.

— Чего тебе?

— Закрой дверь.

Он закрыл, подошёл и сел напротив, внимательно глядя на меня. В его глазах читалось беспокойство.

— Ты чего такой убитый?

— Кто он? — спросил я без предисловий.

— Кто — он?

— Тот, в кого она была влюблена. Ислам сегодня ляпнул про «первую любовь». Ты знаешь, кто это?

Мага вздохнул, откинулся на спинку стула. Он выглядел усталым, и я вдруг понял, что мы оба уже несколько недель живём в этом аду, а я тут еще со своими сердечными делами.

— Кам, я правда не знаю. Она никому не говорила. Только Исламу, судя по тому, как он сегодня подкалывал её. Мне она рассказала, но не назвала имени. Это всё, что я знаю.

— Исламу она рассказала, — глухо повторил я. В голосе звучала горечь.

— Ну да, они ж близки. — Мага пожал плечами. — Ты не бери в голову. Какая разница, кто там был? Важно, что сейчас она здесь. И что ты, кажется, наконец-то открыл глаза.

Я усмехнулся. Горько, зло.

— Открыл глаза. Только поздно. Очень поздно.

— Поздно, не поздно — время покажет, — философски заметил Мага. — Но если ты собрался за ней ухаживать, учти: просто так она не сдастся. Ты её сильно ранил, Кам. Сильнее, чем думаешь.

— Я знаю.

— И ещё, — он понизил голос. — Этот Ислам... ты с ним поаккуратнее. Он за неё горой. Если он решит, что ты ей вредишь, — он тебя по стенке размажет. И я ему помогу.

Я поднял на него глаза. В его взгляде не было угрозы — была констатация факта.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. — Мага смотрел на меня без тени улыбки. — Она для меня не просто бывшая жена друга. Она человек, который заслуживает счастья. И если ты это счастье — я только за. Но если ты опять начнёшь свои старые фокусы... лучше сразу уйди сам.

Я молчал. Мага был прав. Во всём.

— Ладно, — он встал. — Пойду работать. А ты давай, думай головой, а не другим местом.

Он вышел. Я снова уставился в окно. Через стекло видел, как она вернулась к столу. Ислам что-то сказал, она засмеялась и снова швырнула в него чем-то. Обычная возня, дружеская перепалка. Но меня это убивало.

Потому что так мог бы быть я. Если бы не был таким слепым идиотом пять лет назад. Если бы не променял её на призрачную Венеру. Если бы хоть раз посмотрел на неё по-настоящему.

Я сжал кулаки и зажмурился.

«Первая любовь».

Кто бы ты ни был, неизвестный соперник, — я всё равно буду бороться. Потому что в первый раз в жизни я знаю, чего хочу. И я хочу её. И этот Ислам... Я должен попытаться. Хотя бы попытаться.

А после обеда к нам заглянули отец и дядя Вагаб. Я думал, они пришли узнать, как у нас дела продвигаются, — но ошибся. Не успел дядя Вагаб переступить порог, как Ислам с широкой улыбкой, с распахнутыми объятиями пошёл ему навстречу.

— Дядюшка! — воскликнул он, обнимая его с такой искренней радостью, что у меня челюсть отвисла.

— Ислам, как ты? — дядя Вагаб хлопал его по спине, явно тоже растроганный. — Приехал и даже не заглянул ко мне?

— Дядюшка, сами же знаете положение дел здесь! — Ислам театрально воздел руки к небу. — Ваша дочь — настоящий узурпатор! Прорыву не даёт. Работай, Ислам, работай — и всё тут!

— Надеешься, что тебя спасут? — хмыкнула Сумая, сложив руки на груди, но в её глазах плясали чёртики. — Добрый день, пап. Дядя Давид.

— Добрый, дочка, — улыбнулся мой отец, подходя к ней. — Не обижают тебя тут?

— Её?! — воскликнул Ислам, указывая на неё с комическим ужасом. — Да она сама кого хочешь обидит! — Он повернулся к моему отцу и протянул руку. — Приятно познакомиться, я Ислам. А вы?

— Давид... — начал отец, но Ислам перебил его с той же обезоруживающей улыбкой.

— А-а-а, дядя Давид! — он энергично пожал ему руку. — Сумо много рассказывала о вас. Как тётя Асуман поживает? Был бы рад и с ней познакомиться при случае.

— Конечно, конечно, — растерянно улыбнулся отец. Было видно, что он не ожидал такого напора и открытости от незнакомого парня.

— Это всё хорошо, — дядя Вагаб хлопнул в ладоши, привлекая внимание. — И работа ваша тоже важна. Но я, собственно, зачем пришёл. Вечером приглашаю всех на ужин к нам домой.

— Всех? — Сумая изогнула бровь, и в её голосе послышались странные нотки. — Уверен, пап?

— Конечно, уверен! — возмутился дядя Вагаб, но мне показалось, или в его глазах действительно мелькнула тень сомнения?

Я не понял, почему Сумая уточнила. Какие-то проблемы дома? Или дело во мне?

— Отлично, дядя! — Ислам просиял. — Тогда мы сегодня пораньше с работы уйдём. — Он вдруг перевёл взгляд на меня, и в его глазах заплескала всё та же насмешка. — Камал, ты же пойдёшь с нами? Дядя пригласил всех.

— Я... — я запнулся, чувствуя, как под взглядами всех присутствующих мне становится не по себе. Как-то стремно идти в дом бывшей жены. Даже после свадьбы я там ни разу не был, хотя до этого, помнится, бывал на праздниках, когда наши семьи собирались вместе. Но тогда Сумая была для меня просто тенью, дочерью дяди Вагаба. Сейчас всё иначе. Сейчас каждый шаг в её сторону — как по минному полю.

— Конечно, он придёт! — мой отец, как всегда, решил всё за меня, хлопнув по плечу. — Мы оба придём. Спасибо за приглашение, Вагаб.

— Тетю Асуман не забудьте, — добавила Сумая.

— Вот и славно, — дядя Вагаб кивнул, но я успел заметить тот же неуловимый взгляд, которым он обменялся с дочерью. Что-то здесь было не так. Что-то, чего я не понимал.

— Тогда до вечера, — сказал дядя Вагаб, обводя всех взглядом. — Ислам, не опаздывай. Сумая, проследи, чтобы все вовремя закончили.

— Пап, я им не нянька, — фыркнула она.

— А кто сказал, что ты нянька?

С этими словами старшие удалились, оставив нас в отделе.

Глава 24

Мы приехали с родителями пораньше — мама настояла, сказав, что неприлично опаздывать, когда тебя приглашают в гости, да ещё и в такой важный вечер. Я молчал всю дорогу, переваривая сегодняшние события. Мысли путались, но одна билась настойчивее других: Ислам. Его близость с Сумаей. Его слова о «первой любви». Кто этот человек, который владел её сердцем все эти годы?

Мама всю дорогу пыталась меня расшевелить, но я отвечал односложно. Она переглядывалась с отцом, но оба молчали. Знали, что со мной сейчас бесполезно.

Дверь открыл дядя Вагаб. Радужно поприветствовал нас, пригласил в гостиную. Женщина, которую я помнил как мачеху Сумаи, хлопотала на кухне, оттуда доносились умопомрачительные запахи восточной кухни.

— Проходите, располагайтесь, — улыбнулась она, выглянув ненадолго.

— Спасибо, — мама улыбнулась ей, но не искренне. Впервые заметил чтобы между ними были такие холодные отношения. Или они и раньше были такими? Черт, такое ощущение что я по-новому открываю итак знакомый мне мир.

Не успели мы пройти в гостиную, как пришли следующие гости. Ислам с друзьями и Мага. Они с шумом вошли в дом. И в это же время по лестнице спустился парнишка подросток почти с меня ростом. Оглядел всех, поздоровался тепло и его взгляд замер на мне. Прищурился, поджал губы и что-то проворчал под нос.

— Замир, — строго сказал дядя Вагаб. — Поздоровайся с гостями.

— Здравствуйте, — процедил он сквозь зубы, смотря только на меня. Но наткнувшись на предупреждающий взгляд своего отца, уделил свое внимание Исламу. Кажется младший брат моей бывшей жены меня очень сильно не жалуёт. Оглянулся и понял что все очень любят Сумаю, и все они готовы ради нее на все.

Мы рассаживались за большим столом в напряжённой тишине. Место Сумаи пустовало. Я заметил, как все то и дело поглядывают на часы, а потом на дверь. Особенно Замир — он стоял у окна, делая вид, что смотрит на улицу, но каждые несколько секунд поворачивал голову к входной двери.

— Где она? — не выдержал он наконец, когда мы уже минут двадцать сидели за столом, пробуя салаты. — Обещала пораньше приехать!

— Задержалась, — спокойно ответил дядя Вагаб, хотя в его голосе тоже чувствовалось беспокойство. — Презванивала, сказала, вспомнила кое-что по работе. Срочное.

— Вечно она со своей работой, — проворчал парень, но в его голосе звучала не досада, а искреннее беспокойство. — Загоняет себя совсем.

Наконец, через ещё десять минут, хлопнула входная дверь. Замир мгновенно ожил, развернулся от окна и уставился в коридор. Даже мачеха замерла с блюдом в руках.

В гостиную вошла Сумая. Уставшая, но собранная, как всегда. В лёгком платье, с сумкой через плечо.

— Простите, что задержалась, — сказала она, оглядывая всех. — Вспомнила кое-что по проекту, пришлось срочно звонить поставщикам, пока они не закрылись.

— Сумо! — Замир сорвался с места и через секунду уже висел на ней, обнимая с такой силой, будто не видел год. — Ну сколько можно?! Я уже волноваться начал!

— Замир, пусти, задушишь! — смеялась она, пытаясь отбиться, но в её глазах светилась такая радость, какой я у неё никогда не видел. — Я же всего на час задержалась!

— Для меня это вечность! — буркнул он, но отпустил и тут же подхватил её сумку. — Иди, садись. Там без тебя уже все заскучали.

Я заметил, как мачеха смотрит на эту сцену. В её взгляде не было радости. Только досада. Губы поджаты, глаза прищурены. Она явно не одобряла этой близости между сыном и падчерицей. Но промолчала, только отвернулась к плите.

Сумая прошла к столу, поздоровалась со всеми, коротко кивнула мне — без тепла, но и без прежнего холода. Просто констатация факта: я здесь, ты здесь, живём дальше.

— Ну наконец-то! — Ислам пододвинул ей стул. — Садись, куколка, а то брат твой уже всю плешь мне проел своим «где Сумо, когда Сумо будет».

— Сам ты куколка, — фыркнула она, усаживаясь.

Замир устроился с одной стороны от неё, Ислам — с другой. Я сидел напротив и смотрел, как она оживает в их компании. С ними она была другой — расслабленной, настоящей. Улыбалась, шутила, толкала Ислама в плечо, когда он слишком громко рассказывал очередную историю.

— А помнишь, Сумо, как мы в детстве с тобой... — начал Ислам, но она перебила:

— Ой, только не начинай про детство!

— А что? Интересно же! — Замир подпёр подбородок рукой, готовясь слушать.

Ислам хитро прищурился, явно наслаждаясь моментом.

— Да вот думаю, рассказать или нет, как мы с ней у бабушки в саду яблоки воровали, а она с дерева упала и коленку разбила. Я её тогда на себе домой тащил, чтобы родители не ругали.

— Я не падала! — возмутилась Сумая. — Это ты меня толкнул!

— Ты что-то путаешь милая, я тебя поймал! Если бы не я, ты бы вообще в крапиву приземлилась. Так что считай, я твой спаситель с детства.

— Спаситель он, — проворчала она, но улыбалась.

Замир засмеялся, и даже дядя Вагаб покачал головой с улыбкой. Мачеха сидела с каменным лицом, но молчала.

— А знаете, — вдруг сказал Ислам, обращаясь ко всем, но я чувствовал, что эти слова предназначены и мне, — я ведь за ней с самого детства приглядывал. С тех пор как мы маленькими были. Если бы мои родители не решили переехать, мы бы были самими близкими. Самая любимая, самая вредная, но моя младшая сестренка..

Я замер. Вилка застыла на полпути ко рту.

Что? Что он сказал?

— Сестренка, — эхом отозвалось в голове.

Я перевёл взгляд на Сумаю. Она спокойно жевала салат, будто не случилось ничего особенного. Потом на Ислама — тот смотрел на меня с лёгкой усмешкой, ожидая реакции.

Брат. Он её брат. Двоюродный брат.

Все эти дни. Все эти прикосновения, объятия, шутки, этот его «куколка», эта близость — это была не романтика. Это была семья. Родная кровь.

А я... я ревновал. Сгорал от ревности к её собственному брату. Хотел убить его взглядом. Планировал, как буду бороться с ним за её внимание.

Мне захотелось провалиться сквозь землю.

— Ты чего, Камал? — спросил Мага, заметив моё оцепенение. — Будто привидение увидел.

Я сглотнул. Посмотрел на Ислама. Тот подмигнул мне и поднял бокал с соком.

— За семью, — сказал он весело. — За то, чтобы мы всегда были вместе.

Все подхватили тост. А я сидел и пытался переварить информацию, которая только что обрушилась на меня.

Брат. Он брат.

И в этот момент я вдруг осознал ещё одну вещь: если он брат, значит, он знает, кто та самая «первая любовь», о которой говорила Сумая. Он знает, кого она любила всё это время.

Я посмотрел на Ислама. Тот поймал мой взгляд и чуть заметно покачал головой. Как будто говорил: «Не сейчас. Потом».

Я кивнул. Принял к сведению.

Ужин продолжался. Смеялись, шутили, рассказывали истории. Сумая смеялась вместе со всеми. Ислам обнимал её за плечи, Замир подливал сок. А я сидел и смотрел на эту картину, чувствуя себя одновременно и частью этого вечера, и абсолютно чужим.

— Кстати, еще пару дней и мы уезжаем. Приглашаю всех на свою свадьбу через две недели, — проговорил с улыбкой Ислам. — Прости Камал, но у меня больше нет времени вам помогать. С самым основным я помог, остальное Сумо сама разгребет. Если не вернусь, боюсь невеста от меня сбежит.

— Спасибо за то, что приехал и помог, — склонил голову, показывая что и правда благодарен ему за помощь. — Поздравляю с предстоящей свадьбой.

— Спасибо. Ты приглашен, — подмигнул он, но я успел заметить хитрую усмешку мелькнувшую на его губах на секунду.

— Постараюсь приехать.

— Приедет приедет, — сказала мама. — И он и Мага вместе с Сумаей поедут.

— Ну и отлично. Свадьбы будет проходить в отеле, так что для всех будут подготовлены номера. Мама уж настояла на этом.

— Тетя не хочет видеть в своем доме всех твоих шумных друзей. А они у тебя уж больно шумные. Не сомневаюсь что ее дом снесут за один миг, — тихо рассмеялась Сумая тепло глядя на него.

— Такая же вредная как и моя мама, — щелкнул по носику тот в ответ.

Теперь глядя на них, чувства были совсем иными. Ревность пропала, не полностью конечно, но хоть не так ярко. Не злюсь так сильно как утром. И кажется у меня будет шанс просто провести с Сумаей время. Вне работы. Там то я уже точно не стану тормозить.

Две главы и промокод на книгу "Кровная месть" (18+) - ccQmanf4

<https://litnet.com/shrt/UJz5>

— Добро пожаловать, грязнокровка, — произносит он, опускаясь передо мной на корточки.

Я боюсь поднять взгляд, меня трясёт от страха.

— Ты бы знала, как я ненавижу всю твою семейку, а особенно твоего братца. Я бы с удовольствием убил его этими руками, но такая смерть слишком легка для него. Смотри на меня! — он хватает меня за подбородок и резко поднимает голову. — Он будет умирать каждый день, зная, как ты живёшь. Он видел, что я могу с тобой сделать. Но это только начало. Всё самое страшное ещё впереди.

Его голос звучит зловеще, а взгляд пронизывает насквозь.

Глава 25

Пужинав, все расселись удобно в гостиной, потягивая ароматный чай с горными травами. Разговор постепенно перетёк в ленивое, домашнее русло — говорили о всякой всячине, о погоде, о планах на лето. Но я не слышал ни слова. Я не сводил глаз с Сумаи. Не мог заставить себя отвести взгляд, хоть убей.

Она сидела на диване, поджав под себя ноги, и слушала Замира, который что-то увлечённо рассказывал. Улыбалась ему той самой улыбкой, которую я так редко видел — тёплой, настоящей, без маски. Волосы выбились из пучка и падали на лицо, но она не поправляла их, просто слушала брата и изредка кивала.

Я смотрел на неё и думал: как я мог быть таким слепым? Как мог не видеть всё это пять лет назад?

Спустя время столкнулся с взглядом Ислама. Он сидел в кресле напротив, лениво помешивая чай, и смотрел на меня с тем странным выражением, которое я уже научился распознавать. Что-то между насмешкой и... оценкой? Он незаметно кивнул в сторону выхода.

Я понял намёк. Допив чай, поднялся и, извинившись, вышел на крыльцо.

Вечерний воздух обжёт прохладой после тёплой гостиной. На небе выпали первые звёзды, где-то вдалеке лаяли собаки. Я прислонился к перилам и выдохнул. Нужно было собраться с мыслями.

Ислам появился спустя минуту. Вышел неторопливо, сунув руки в карманы, и встал рядом, глядя в темноту.

— Ну что, Камал? — спросил он без предисловий. — Полегчало?

— С чего бы?

— Узнал, что я брат. А не любовник. — Он усмехнулся краешком губ. — Ты же ревновал, я видел. Каждое моё прикосновение взглядом прожигал.

Я промолчал. Отрицать было глупо и бессмысленно. Он прав — я ревновал. Сгорал от ревности к каждому его жесту.

— Слушай, — Ислам вдруг стал серьёзным, и в его голосе исчезли привычные насмешливые нотки. — Я тебя предупреж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.